
БИБЛИОТЕКА МЕЖДУНАРОДНОГО КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО
СОЮЗА «РУССКИЙ КЛУБ»

ИННА БЕЗИРГАНОВА

ПУТЬ НА ОШХАМАХО

МИХАИЛ ЛОХВИЦКИЙ

Тбилиси
2022

Русско-грузинские культурные взаимоотношения поистине являются историческим феноменом, не имеющим аналогов.

Россию и Грузию связывают 11 веков взаимного общения. Начало этих отношений восходит к X веку – в древнерусских летописях упоминаются Грузия и Тбилиси. В 1491 году были установлены дипломатические отношения. При Петре Первом на берегах речки Пресни близ Москвы заложена Грузинская слобода (в просторечье – «Грузины», ныне – Большая Грузинская). А с конца XVIII века, после заключения в 1783 году Георгиевского трактата, отношения стали особо тесными и интенсивными.

На покровительство Грузия отвечала помощью и поддержкой – в том числе, культурной, духовной. Приют, пристанище здесь обретали многие великие русские – опальные и гонимые в России, в Грузии они всегда находили свободу, работу и почитание.

Серия «Русские в Грузии» – первый опыт систематизированного освещения богатейшей истории пребывания в Грузии выдающихся российских деятелей искусства, религии, науки, литературы, спорта, достойных благодарной памяти потомков.

Серия стала настоящей энциклопедией русско-грузинских взаимоотношений.

Проект направлен на популяризацию российского культурного наследия, возрождение интереса к России в Грузии и к Грузии в России, активизацию общественного диалога и культурного общения двух православных народов-соседей.

Издатель –
Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

Руководитель проекта –
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ
заслуженный деятель искусств РФ,
заслуженный артист РФ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Отец... Писатель Михаил Лохвицкий. Красавец, предмет восхищения и мечта всех женщин. В феврале 2022 года ему исполнилось бы 100 лет! 67 – в этой жизни, все остальные – в той. В этой жизни я уже немного старше, а в той... мне его не догнать... Я жила в разных городах и странах, но везде отец был рядом. Дело не только в написанных им произведениях. Картины, мебель, книги... Как будто все расставлено и развешено его рукой.

Все мои друзья, да и не только они, приходили в наш дом поговорить именно с ним. Молодые, эгоистичные, без всяких предварительных звонков, нисколько не беспокоясь, работает он в данный момент или нет, – всем было, как им казалось, просто необходимо получить ответы на свои вопросы. Как я теперь жалею, что не пользовался чаще своей эксклюзивностью... Работая, отец засиживался до утра, бывало, будил ночью, чтобы прочитать свеженанписанную главу, плача и смеясь вместе со своими героями.

Сколько замечательных книг было издано благодаря его работе в издательстве «Мерани» в Тбилиси, причем авторов, которых в Советском Союзе публиковать особенно не решались. При этом система не скупилась на удары со всех сторон – исключила из партии, перестала издавать, естественно, нимало не заботясь о том, как ему выживать. Но улыбка никогда не покидала лица отца. Есть нечего? Продадим машину. И тут же, на следующий день небольшой семейный и с друзьями сабантуй. Потом сообщал: «Вчера съели колеса».

Черкес по отцу, немец по матери. Чудом избежав ареста перед войной, чуть было не подвергся этой опасности снова в 1942-м. Но когда записался в батальон морской пехоты, плюнули: все равно погибнет. А он выжил, в этом пекле и аде – выжил! При этом в его военных рассказах, повестях и романе о войне нет сцен убийств и крови, они о дружбе и любви.

Отец не раз задумывался о судьбе своих предков, ныне почти исчезнувшего народа, и это нашло себя в романах «Громовый гул» и «Поиски богов», во многом провидческих, что делает сегодняшние дни еще страшнее. «Владыки мира сего – актеры, к тому же препаршивые», – говорит один из героев Михаила Лохвицкого.

«Зайдет была моей женой, и ее, и многих других дочерей шапсугов природа сотворила красавицами. Так можно ли примириться с тем, что красота будет убита, что красоту будут убивать вновь и вновь?» («Громовый гул»)...

А я, в своем отнюдь не нежном возрасте, все чаще и чаще ощущаю, как мне просто физически не хватает возможности или счастья хотя бы еще раз сказать: «Доброе утро, папа!»

Юрий Лохвицкий

ОТ АВТОРА

Писатель Михаил Лохвицкий... Мне не довелось общаться с ним. Каким он был? Что любил и ненавидел? К чему стремился? Ответы на эти вопросы можно найти в его письмах, воспоминаниях близких и друзей, а главное – в произведениях. Тем и отличается судьба обыкновенного смертного от судьбы писателя, что после его ухода остается литературное наследие, и читатели постигают суть автора через мысли, выраженные в строках. А еще любой человек (не обязательно художник слова) живет в памяти тех, кто любил его, кому он был дорог. Однако время и личность того, кто был близок к ушедшему, неизбежно накладывают отпечаток на его воспоминания: по этой причине, наверное, они не всегда являются вполне достоверным свидетельством. И тем не менее...

Интересно было двигаться по дорогам судьбы Михаила Лохвицкого, шаг за шагом приближаться к пониманию его личности. Только приближаться, потому что полное понимание вряд ли возможно. Ведь человек – это бездна! Михаил Лохвицкий писал в невероятно сложную, яркую, противоречивую эпоху. Как ему удалось сохранить себя в прокрустовом ложе жесткой, а порой и жестокой, реальности и при этом остаться Человеком?

Корни

*И дым Отечества
нам сладок и приятен
Александр Грибоедов*

Многое в судьбе Михаила Лохвицкого определило его происхождение, соединение в нем разных «кровей». Вероятно, их взаимодействие в физической и духовной сущности писателя не могло не отразиться в его мироощущении и творческих пристрастиях.

«Все, что вынашивается литературой, основано на впечатлениях от окружающего нас изумительного, прекрасного и многообразного мира. Но не только, – пишет М. Лохвицкий в своей автобиографии. – Многое пришло в нас еще до того, как мы взяли за перо, – из сказок, рассказанных бабушкой, из воспоминаний отца и матери, из старых портретов и фотографий, из опыта, накопленного праотцами и переданного нам эстафетой наследственности».

Лохвицкому была присуща «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам», или, иначе, генетическая память: он никогда не забывал о своем происхождении. Судьба Михаила Лохвиц-

ПУТЬ НА ОШХАМАХО

кого в своем роде уникальна: русский писатель с «крутым» национальным замесом, творящий в Грузии.

«Не знаю еще, какую роль сыграли в том, что я таков, каков есть, мои предки. Но что они одарили меня чем-то своим – это бесспорно...», – пишет М. Лохвицкий.

Чем-то своим, неповторимым одарил писателя дед – **Закир Аджук-Гирей**, по происхождению черкес-шапсуг. При трагических обстоятельствах Кавказской войны, в 1864 году, когда аул был взят русскими войсками и сожжен, а отец и мать погибли во время перестрелки, двенадцатилетнего Закира и его тетку (она была на четыре года старше Закира, и далее ее следы затерялись) обнаружили в кустах – учуяли собаки. Так дед попал к русским и затем был усыновлен пехотным офицером **Иосифом Леонтьевичем Пригарем**. Кстати сказать, последний сделал все, чтобы Закир получил прекрасное по тем временам образование, приобщил его к русской культуре. Фамилию Лохвицкий дед получил в 1866 году после принятия православия. Его крестили в Туапсе – крестным отцом стал штаб-ротмистр **Петр Давидович Лохвицкий**. И Закир Аджук-Гирей превратился в **Захария Петровича Лохвицкого**. Он упоминается в послесловии **Михаила Буянова** к произведению **Александра Дюма** «Кавказ»: «Мальчик оказалсямышленным, не захлебнулся в водовороте событий, вышел в люди».

Листаю «Краткую биографию» (из личного архива племянницы М. Лохвицкого **Аллы Ивановой**), написанную дедом писателя. В ней он касается некоторых драматических моментов истории, связанных с «замирением Западного Кавказа», подробно рассказывает о своем происхождении, трудовом поприще. Интересно, что «Краткую биографию» он написал в 1930 году по требованию некоего товарища Кекуа «ввиду предстоящей чистки административного аппарата». Захарий Петрович во избежание неприятностей должен был доказать свои заслуги перед революцией. «До свидания с товарищем Кекуа мне совсем не приходило в голову ограждать себя какими-либо документами, будучи уверен, что чистка административного аппа-

рата не коснется меня», – пишет З. Лохвицкий.

Из копии аттестата (личный архив А. Ивановой), выданного Константиновским межевым институтом, можно почерпнуть любопытные сведения о том, что в сентябре 1878 года Захарий Лохвицкий был принят в это учебное заведение и за время пребывания в нем отличился «хорошим поведением, хорошими способностями и хорошим прилежанием».

Изучая «формулярный список о службе коллежского советника, инженера путей сообщения, межевого инженера Захария Лохвицкого», узнаем немало интересного о его карьере. Он учился в межевых классах Владикавказской военной прогимназии, затем в Константиновском межевом институте, а позднее – «в Петербургском институте инженеров путей сообщений императора Александра III со званием гражданского инженера, с правом производства строительных работ и с правом на чин коллежского секретаря при вступлении в государственную службу». В 1895 году Захарий Лохвицкий был назначен начальником участка при строительстве Боржом-Бакурианской ветки Закавказской железной дороги, а через пять лет – начальником участка службы пути Закавказской железной дороги. Кстати, на одной из станций висела медная доска с надписью: «Эту ветку построил инженер З. П. Лохвицкий».

В 1907 году был произведен в коллежские советники. Не обошли Захария Петровича и награды: он получил ордена Святого Станислава 2-й и 3-й степени, Святой Анны 3-й степени и серебряную медаль в память царствования императора Александра III. В 1892 году Закир Аджук-Гирей обзавелся семьей. Его женой стала дочь титулярного советника **Евгения Ивановна Шадинова**, армяно-григорианского вероисповедания.

Вот документ – свидетельство о рождении, крещении и венчании Евгении Ивановны Шадиновой: «По указу Его Императорского величества Самодержца Всероссийского дано сие согласно журнальному постановлению Грузинской Имеретинской Епархиальной армяно-григорианской Консistorии, состоявшемуся на число сентября 1868

ПУТЬ НА ОШХАМАХО

года, основанному на прошении титулярного советника Ивана Симеонова, сына Шадинянц, в том, что, как видно из метрических книг, дочь его Евгения родилась от законного брака отца своего помянутого просителя Шадинянц с Луизою Вазолли римско-католического вероисповедания десятого февраля 1863 года, молитвована и крещена 7 марта того же года в Тифлисской армянской Сурп-Нишанской церкви священником Оганесом Тер-Овакимянц...»

Иван Семенович Шадинов – известный в то время меценат, привезший из итальянского города Ливорно сестер **Луизу** и **Аделаиду Вазолли**. Они приехали в составе труппы, на основе которой в Тифлисе в 1851 году был создан регулярный оперный театр. Интересно, что Аделаида Вазолли, вышедшая замуж за дирижера **Альберта Шенинга**, является бабушкой актрисы **Наты Вачнадзе** со стороны ее матери, **Екатерины Сливичкой**. Таким образом, Михаил Лохвицкий находится в дальнем родстве со звездой кинематографа.

О Михаиле Лохвицком и его корнях пишет в своей книге «Быть может, за хребтом Кавказа...» известный исследователь **Натан Эйдельман**: «Михаил Лохвицкий охотно развернул свой «интернационал»: десятки предков и близких родственников по черкесской, русской, грузинской, армянской, немецкой, польской, итальянской линии...» Итальянское начало было представлено прабабкой Луизой Вазолли, примадонной итальянской оперы в Тифлисе 1850-х годов, того самого театра, где, согласно впечатлению очевидца, «костюм европейских дам рядом с туземным, прелестным, живописным нарядом», где «спокойный взор персидского принца Бехмен-мирзы равнодушно скользил по женским лицам, по временам был прикован к сцене и как бы вслушивался в незнакомые и дивные напевы. Сверкающие же глаза Хаджи-Мурата непрерывно перебегали с одного женского лица на другое и при forte-fortissimo быстро обращались к сцене, но без выражения особенного впечатления; казалось, его занимала какая-то особая, тревожная мысль» («Кавказ», 1852, №12)».

У Захария Лохвицкого и Евгении Шадиновой было пятеро детей: Георгий (Юрий), Елизавета, Ольга, Михаил и Дмитрий. Старший,

Георгий, и стал впоследствии отцом писателя.

Михаилу Юрьевичу на всю жизнь запомнился дед – «высокий, чуть сутулый, смуглый, черноглазый, с седой бородкой и усами, суровый внешне» старик, сдержанный в выражении чувств. Писатель вспоминает: «Однажды я ушибся и заплакал. Он поставил меня перед собой и рассказал историю: «Когда я был меньше тебя, на ногу мне упал кинжал и сильно поранил. Я тоже, как ты, заплакал. Отец очень рассердился на меня, побил даже. И сказал, что мужчина не должен плакать. Понял?..» Я кивнул, вырвался и убежал. Уже будучи взрослым, я узнал, что у мужчин-шапсугов и адыгов не принято проявлять нежность и ласку по отношению к своим детям и внукам. То, что дед любил меня, я понял позже, уже после его смерти».

Бабушка Михаила Лохвицкого, Евгения Ивановна («маленькая, сухая, живая старушка, ласковая и добрая»), преподавала музыку и математику. Возможно, ее влияние сказалось в том, что дочери Елизавета и Ольга окончили консерваторию, а три сына – Георгий, Михаил и Дмитрий стали инженерами.

Отец писателя, его родные были людьми русской культуры, которые при этом никогда не забывали о своем генеалогическом древе, родословной. Уже в 60-е гг. прошлого столетия Михаил Юрьевич получил письмо от своего дяди Дмитрия, в котором тот писал о чувстве долга перед тем народом, к которому принадлежал по крови. Дмитрий Захарьевич призывал племянника вернуться к истокам, сделать что-нибудь для черкесов-шапсугов и таким образом исполнить свой священный долг. И Михаил Лохвицкий спустя годы внял его призыву...

Еще одна семейная реликвия – аттестат зрелости **Георгия Лохвицкого**. Отец писателя окончил II Тифлисскую мужскую гимназию с серебряной медалью. В августе 1915 года был принят в число студентов Императорского Петроградского университета на математическое отделение физико-математического факультета и одновременно Института инженеров путей сообщения, однако 22 апреля 1916-го был отчислен из-за поступления во II Петергофскую школу прапорщиков...

ПУТЬ НА ОШХАМАХО

Началась первая мировая война, и Георгий Лохвицкий отправился на фронт. После Октября он, увлеченный революционными идеями, оказывается в рядах Красной гвардии. А по окончании Гражданской войны, охваченный общим подъемом, едет на строительство первой в стране гидроэлектростанции – на Волховстрой. К этому времени он уже был женат на обрусевшей немке **Аделаиде Эдуардовне Бурбевиц**, с которой познакомился в северной столице...

Позднее Михаил Лохвицкий напишет об отце: «Человек незаурядный, разносторонне образованный, он прожил нелегкую жизнь... Последние годы работал в НИИ гидроэнергетики и сооружений, готовил аспирантов, кандидатов наук, но сам не мог получить ученой степени – мешало отсутствие диплома. Всю жизнь он увлекался научной работой, захватывал самые далекие от его специальности отрасли науки, изобретал. Я нашел в его бумагах ответ от наркома обороны о принятии военного изобретения. А патент на прибор проверки плотности бетона пришел от комитета по изобретениям через неделю после его смерти. Не дождался он и моей первой книги...»

Детство и отрочество

*Онегин, добрый мой приятель,
Родился на берегах Невы,
Где, может быть, родились вы...
Александр Пушкин*

21 февраля 1922 года в Детском селе (ныне город Пушкин, до 1918 года – Царское село) под Петроградом у Георгия Лохвицкого и Аделаиды Бурбевиц родился сын Михаил, которому суждено было стать писателем и прожить яркую, сложную жизнь.

(В 2015 году сын писателя **Юрий Лохвицкий** ездил в Царское село. Хотел разыскать дом, в котором родился отец. Однако суще-

ствующая ныне нумерация не совпадала с описанием Михаила Юрьевича. Но нашлась женщина, учительница, показавшая место, где стояли два деревянных двухэтажных дома, которые совсем недавно снесли. Любопытно, что в этих домах жили в основном деятели театра, а также поэтесса Мирра Лохвицкая).

Говорят, что именно впечатления, почерпнутые в раннем детстве, во многом определяют характер человека и в конечном итоге его судьбу. Наверное, в большой степени это относится к людям творческих профессий, наделенных способностью остро воспринимать, впитывать многообразие окружающего мира. Первые впечатления маленького Миши – пруды и дворцы Детского села, набережная Невы, речка Фонтанка, Летний сад. Эта атмосфера вдохновила не одного русского писателя и поэта. И не случайно имя, отчество и фамилия Михаила Юрьевича Лохвицкого отсылают нас к русской писательской традиции, воскрешают в памяти имена Лермонтова и талантливых сестер – знаменитой писательницы **Тэффи**, **Надежды Лохвицкой**, и **Мирры Лохвицкой**.

Представим себе маленького Мишу в городе Пушкина, Достоевского, Блока, городе снов, надежд и разочарований. «Тайной вечера глаз знает много Нева, здесь спасителей кровь причастилась вчера с телом севера, камнем булыжника», – писал **Велимир Хлебников**. А **Татьяна Толстая** пыталась разгадать тайну Петербурга, его странной, строгой, иллюзорной, призрачной красоты в своем рассказе «Чужие сны».

После утонченных впечатлений, рожденных в атмосфере города изысканных чудаков, снобов и эстетов (Т. Толстая), мальчика, зоркого наблюдателя окружающей действительности, ожидали иные, «соцреалистические» картины первых лет советской власти. Вместе с отцом и матерью Миша оказывается на строительстве Волховской ГЭС. Калейдоскоп лиц, событий, встреч питает фантазию ребенка, развивает его воображение: «Запомнились мне снега, волки, бешеный вороной конь, который как-то вырвался из конюшни, пронесся мимо... меня, вызвав крики испугавшихся хозяев. Волховская ГЭС

ПУТЬ НА ОШХАМАХО

вступила в строй, и отец увлекается новой работой, ему предлагают ехать в Узбекистан на строительство оросительных каналов. Мы живем в каких-то кишлаках, в Андижане. Помню жару, высокие глинобитные заборы, глубокие бассейны во дворах, журчание арыков на улицах, крик соседки, которую укусила в саду змея, желтые пески. Помню узбеков в ярких теплых халатах, тюбетейках, караваны верблюдов с надменными мордами... Отец ходил в высоких сапогах и всегда носил за голенищем нож. Помню его рассказ о змеях, которые грелись на дорожках. Если они попадались отцу, он становился одной ногой на голову змее, другой на хвост и перерезал ножом позвоночник у головы».

А потом судьба забросила Мишу «за хребет Кавказа», в Грузию – на новое место службы отца, получившего работу по электрификации Закавказской железной дороги. Именно в Грузии расцвел его талант, здесь он обрел друзей и личное счастье.

«Мы жили поочередно в маленьких городках Хашури, Гори, в горах на Сурамском перевале, – вспоминает Михаил Юрьевич. – До семи лет я бегал то один, то с собакой – помесью всевозможных пород. Однажды я сорвался со скалы и упал с большой высоты к реке. Очнувшись от того, что собака вылизывала мое лицо. Она была в пыли и крови. И я понял, что верный пес прыгнул вслед за мной. В горах на Сурамском перевале осталось после нашего отъезда деревце туи, которое я полюбил. Тую посадили возле нашего дома, буйвол наступил на него копытом и сломил... Я выпросил у матери бинт, пошел к саженцу, поднял его и перевязал. С того вечера я ежедневно приходил к тую в гости, следил за ней. Ствол сросся, и деревце пошло ввысь. До сих пор вспоминаю его с отцовским чувством».

Эти детские впечатления нашли отражение в рассказе «Средь бела дня». В Юрке, герое этого произведения, угадываются черты самого Лохвицкого тех лет – беспабашная смелость, романтическое мироощущение, склонность к фантазированию, способность увидеть в облаке мальчика, летящего на корове. Будущий моряк, писатель, а сегодня – ребенок, наделенный творческим воображением,

играет в корабль: обыкновенная квартира в заброшенном доме вдруг обретает палубу, капитанский мостик, паруса и вот-вот отправится в плавание...

Образ корабля, родившийся в детстве, вновь появляется в романе «Неизвестный»: «Дерево становится парусным кораблем. Я сижу на мачте, раскачиваюсь над океаном и зову ребят поднимать паруса. Наш корабль называется «Товарищ», или «Варяг», или «Потемкин», или «Аврора». Мы плывем на нем по всему миру».

«Кочевье станет стабильным их состоянием – только для одних это будет охота к перемене мест, а другие уйдут в блуждания и странствия внутренние», – напишет о героях произведений Михаила Лохвицкого исследователь его творчества **Инна Борисова**. Эти слова относимы и к судьбе самого писателя, с детства охваченного страстью к перемене мест, путешествиям.

Дух романтических устремлений будущий писатель впитал и из книг, первой из которых были «Мифы Древней Греции». На долгие годы Михаил Лохвицкий сохранил любовь к античной мифологии. «Через много лет, – вспоминает Михаил Юрьевич, – когда у меня была уже своя семья, я и работал, и учился в университете и времени на занятия мне не хватало, я рискнул и пошел сдавать экзамен по античной литературе, не готовясь. Первым вопросом в билете были мифы Древней Греции. Я вспомнил детство и отвечал так, что преподаватель не стал экзаменовывать меня по другим вопросам. Он слушал меня, изумленный, и спросил, когда я замолк: «А откуда вы все это знаете?»

Когда Мише исполнилось восемь, семья переехала в Тбилиси. В школе (он до тех пор не ходил в школу) его проэкзаменовали и собирались зачислить сразу в третий класс, но дома на семейном совете было решено, что мальчик пойдет во второй. Первый день в школе Миша дичился, попадал впросак, так как не знал тех правил поведения, которые разъясняются учителями в первом классе, и той неписаной этики, которая передается по традиции из поколения в поколение. «Но на второй день мне в коридоре разбили нос, – рас-

ПУТЬ НА ОШХАМАХО

сказывает писатель в своей автобиографии. – А о том, что надо вставать, когда входит учитель, и поднять руку, если хочешь спросить что-нибудь, я узнал в первый же».

Михаил Лохвицкий учился в 5-й железнодорожной школе. Вместе с одноклассниками ходил, случалось, на «шатало». Постоянным местом их времяпрепровождения были озера Лиси и Черепашье. На переменах в школе озорничали: вскакивали, воспользовавшись темнотой в коридоре, верхом на проходящего и ездил на несчастной жертве своих жестоких проделок... Жизнь мальчика не ограничивалась учебой и шалостями. Появился интерес к чтению. С четвертого класса Миша запоем читал романы Жюль Верна, Майн Рида, Фенимора Купера. Они волновали, будоражили воображение. Мальчика манили приключения, странствия. Со сверстниками он играл в индейцев, моряков, сыщиков. Приключенческую литературу в те годы найти было не просто. Заново ее почти не переиздавали, а дореволюционных изданий в детских библиотеках было мало. И Миша начал писать сам. Пробой пера для будущего автора романов и повестей стало ведение дневника. Обычного детского дневника, в который он делал записи вплоть до окончания школы.

По записям разных лет в общей тетради, подаренной двоюродными сестрами, можно заметить, как с возрастом менялся почерк Миши Лохвицкого. Первые были сделаны крупными детскими буквами. Но поражают совсем не детские отклики подростка на трудные обстоятельства жизни семьи. Мальчик пишет об отсутствии обуви, из-за чего он не может пойти в школу, рассказывает о возвращении усталого, промокшего отца домой после трудового дня на строительстве ЗаГЭС, сочувствует матери: из-за финансовых проблем пришлось даже продать собрания сочинений любимых писателей...

Чуть позднее состоялся настоящий «писательский дебют» – «Необычные приключения Джима Смита и его друга Джека Галлера». Сам М. Лохвицкий оценил свой первый опыт так: «Это была выжимка из того, что я прочитал. Из всей книги (а это была толстенная те-

традь) я помню только одну фразу: «И он вонзил ему нож в грудь по самую рукоятку».

Потом родилось еще одно произведение – Миша сочинил его в соавторстве со школьным товарищем. А затем и пьеса: Лохвицкий написал ее по мотивам знаменитых «Приключений Тома Сойера» Марка Твена. По этой пьесе поставили спектакль, и будущий писатель проявил себя сразу в нескольких ипостасях – автора инсценировки, режиссера, художника и актера – исполнителя заглавной роли. «Играл плохо, но пьесу и декорации взрослые хвалили, – вспоминает М. Лохвицкий. – Мы даже выступали с «Томом Сойером» в железнодорожных мастерских, где работал отец моего одноклассника».

Однажды, много лет спустя, писателю вновь пришлось выйти на сценические подмостки и почувствовать себя актером, но об этом ниже... А в годы отрочества Лохвицкий буквально заболел театром: играл в разных спектаклях, поставленных в школьном драмкружке, выступал с чтением стихов.

Большую роль в формировании поколения, к которому принадлежал Михаил Лохвицкий, сыграл русский ТЮЗ, бывший в те годы своего рода детским культурным центром. При Театре юного зрителя были созданы студия, в которой занимались фехтованием, Клуб любознательных, издавалась газета «Дети Октября». Сохранился документ, свидетельствующий о том, что Миша Лохвицкий – художник этой многотиражки. Здесь же публиковались его первые журналистские опусы – статьи о художниках.

Любопытный документ – характеристика от руководителя кружка художественного слова при 5-й железнодорожной школе, артистки Театра юного зрителя **Софьи Гутманович**: «Михаил Лохвицкий, занимаясь в кружке художественного слова..., проявил умение глубоко разбираться в мыслях и эмоциях текста, художественного образа. Его вдумчивая работа над текстами Пушкина, Лермонтова отличалась большой эмоциональной насыщенностью, темпераментом».

Однажды он даже поставил сцену фехтования в спектакле ТЮЗа по пьесе Эдмона Ростана «Романтики» – многозначительное назва-

ПУТЬ НА ОШХАМАХО

ние, учитывая состояние души юного Миши, которое он сумел сохранить на долгие годы...

Что касается интереса к театру, то и он остался на всю жизнь. Дочь писателя **Нюта (Анна Лохвицкая)** вспоминает, как во время пребывания М. Лохвицкого в Москве в 1958 году, сразу после выхода в свет его книги «Люди горных кряжей», в столице проходили гастролы Королевского Шекспировского театра из города Стратфорд-он-Эйвон. И тбилисская компания в составе нескольких друзей – критика **Эдурда Елигулашвили**, журналиста **Бориса Гасса**, Михаила Лохвицкого и его жены Наташи – решила попытать счастья. Бутылка перwokлассного грузинского коньяка сотворила чудо – администратор позволил театрам из Тбилиси посмотреть спектакль. Постановка произвела на Михаила Юрьевича сильнейшее впечатление. Мог ли он думать тогда, что пройдет три десятилетия и на сцене оживут герои его лучшего романа «Громовый гул»?

Хотя не только чтение художественной литературы и театр увлекали Мишу Лохвицкого. «Спорт, история, география, рисование, геология – все поочередно захватывало меня», – вспоминает он. Возвращался Михаил Лохвицкий и к писательскому творчеству – в седьмом, а затем девятом и десятом классах...

И вдруг – живопись. В восьмом классе Миша получил на всесоюзном конкурсе учащихся две премии за свои акварели. По рекомендации жюри с ним начал заниматься художник – искусствовед **Игорь Урушадзе**. А потом несколько работ Лохвицкого попали в Москву, в музей Дома народного творчества. Эти очевидные успехи позволяют ему даже строить планы о поступлении в Академию художеств. До сих пор в семье Лохвицких хранится акварельная работа четырнадцатилетнего Миши «Папины сапоги», и она восхищает профессионализмом, абсолютной законченностью.

Как рассказывает Ю. Лохвицкий, когда Игорь Урушадзе узнал, что Миша бросает рисование и уходит в «писательство», то перестал с ним здороваться. И только после выхода в свет романа «Неизвестный» позвонил и признался, что был не прав.

Тяга к литературе оказалась сильнее: «В те редкие минуты, когда я всерьез задумывался о будущем, оно представлялось мне так: какая-то профессия, дающая возможность поездить, повидать мир, а потом литература. Сомневался я лишь в выборе первой специальности: стать ли археологом или геологом, цирковым артистом или моряком, или художником? Интересовало почти все...»

О своих детских увлечениях и мечтах писатель вспомнил в романе «Неизвестный»: «После школы стану полярником. Льды сдавят пароход... Я прижмусь к пробойне спиной и буду стоять так, пока не подведут пластырь... Может быть, полярником я и не стану. Чем плоха профессия археолога? Я поеду в экспедицию и открою в Кара-Кумах древний город, засыпанный песками... Можно еще поехать на Дальний Восток строить город Комсомольск. Или стать художником. С этюдником я буду бродить по свету и рисовать людей. Стать артистом тоже было бы неплохо – таким, как Москвин, Игорь Ильинский, Качалов... Нет, самое, самое лучшее – стать циркачом... Гром аплодисментов!.. На всех улицах афиши: «Человек легче воздуха...» Отметим, что все профессии, привлекавшие юношу, были овеяны романтикой, сулили яркие впечатления и исключали скуку и однообразие. Впрочем, это было характерной приметой времени: молодежь мечтала не о мещанском благополучии, не о карьере, а о покорении вершин и путешествиях.

«Прекрасно воспитанный в семье, выросший в воспетых Пушкиным и Блоком местах неподалеку от Царскосельского музея, а затем – у Фонтанки вблизи Летнего сада, с юных лет бродивший с отцом-строителем по России, Средней Азии, Закавказью, плененный детскими впечатлениями от увиденных пустынь и морей, гор Грузии, змей и верблюдов, принявший участие в строительстве беспримерной детской железной дороги в тбилисском саду Муштаид, начитавшись книг о мифах Греции и легендах Закарпатья, Михаил с детства обладал «донкихотским» воображением, которое воздвигало преграды перед любой фальшью, склоняло его кипучую натуру к делам добрым и духовно возвышенным. И в них он преуспел», –

ПУТЬ НА ОШХАМАХО

вспоминает журналист **Валерий Партугимов**.

Сохранилась вырезка из газеты: в информации сообщается о спортивных успехах Миши Лохвицкого – он занял первое место среди юных фехтовальщиков, став чемпионом Тбилиси. А позднее завоевал титул чемпиона Грузии... Ходил в спортзал на гимнастику, на водную станцию, получил документ дружинника – загребного в команде гребцов Тбилосвода и значок водоспасателя.

Рассказывает В. Партугимов: «Запрятанная в характере взрывчатка в какой-то момент могла разнести все вокруг. Эта способность к конденсации энергии и мгновенному ее выплеску помогла совсем молоденькому Мише в самом конце 30-х годов завоевать титул чемпиона Грузии по фехтованию среди юниоров. Нежелание быть конформистом было преображено в отчаянную его бескомпромиссность. Стремление вырваться из душающей атмосферы тогдашней действительности выработало в нем навык максимальной самоотдачи в деле. И то, и другое качество натуры в единении приводили порой к смешным эпизодам: будучи активистом тбилисского ТЮЗа и участвуя в постановке сцены выяснения отношений на шпагах, Миша требовал от актеров не условного, а самого натурального, честного и, по сути, опасного боя. Невзирая на спокойную речь, мягкий, улыбочивый взгляд его небесного цвета глаз, натура гладиатора, готового к бою и дерзко несущего в себе эту готовность, пробивалась наружу».

Удивляет разнообразие, масштаб интересов Лохвицкого. Ведь, участвуя в строительстве первой в Советском Союзе детской железной дороги, он с увлечением работал стрелочником, проводником, дежурным по станции и машинистом. Дважды ездил в пионерский лагерь, и путешествие на теплоходе по морю укрепило его желание стать моряком...

Вспоминает Юрий Лохвицкий: «В школьные годы отец дружил с Виктором Круммом. У обоих была мечта – стать моряком. Война все смешала. Крумм был артиллеристом. Но после войны, чтобы исполнить мечту, он окончил мореходку и стал капитаном дальнего плавания. Друг друга разыскивали в начале 60-х».

Все эти мальчишеские стремления и увлечения сосуществовали с мрачными реалиями эпохи сталинских репрессий. А она была так далека от экзотического мира приключенческой литературы! И реальность все чаще напоминала о себе: «Помню, как в 1937 году отец и мать прислушивались, не подъехала ли к дому машина, не за ними ли приехали». Отца от ареста спас его друг, порекомендовав написать заявление об уходе и, пока не пройдет волна репрессий в его организации, исчезнуть. Что он и сделал...

В те годы юноши и девушки бредили Испанией: «Испания, Мадрид и Гвадалахара! Мы носили испанские шапочки, а девочки костюмчики, которые назывались «баска». В нашей комнате висела карта Испании. На ней флажками обозначали линию фронта. В Испании были наши летчики, там были Матэ Залка – его роман «Дебердо» я читал, и Хемингуэй – тогда я узнал про роман «Прощай, оружие», прочел и никак не мог понять, почему автор убил Кэтрин Баркли», – пишет М. Лохвицкий в романе «Неизвестный».

Миша, как и многие другие его сверстники, горел желанием попасть в Испанию, чтобы сразиться с фашистами. Но отец говорил ему: «Успеешь еще, и на твою долю достанется». И советовал поступать в военное училище: «Будет война, а на фронте легче командир, да и пользы, как командир, принесешь больше». «Какая война? – удивлялся Миша. – С кем? Ведь с Германией заключен договор о ненападении...»

Война

*Гул разрывов, словно в бочке,
Отдается в глубине...*

Александр Твардовский

Указ о призыве в армию восемнадцатилетних выпускников средней школы обрадовал Михаила. «Вот и хорошо, – думал он. – Отслужу пять лет во флоте, а там окончательно выяснится, какую профессию мне избрать». Лохвицкий стремился именно во флот. И можно предположить почему. Причина не только в том, что он был романтиком. Главное – в другом. Об этом хорошо сказал в своем письме Михаилу Юрьевичу, тогда уже зрелому писателю, бывалый военный моряк А. Жаров: «Море – место, где мужчина чувствует себя мужчиной. В море одерживаются самые трудные из побед – победы над самим собой...»

Вспоминает Юрий Лохвицкий: «В армию отец попал до войны. Участвовал в самодеятельности, в том числе в качестве конферансье. За месяц до начала войны рассказывал со сцены анекдот, и вместо «и черт с ним» у него сорвалось «и х... с ним». Прямо со спектакля попал под арест и ожидал наказания. Война «спасла».

Осенью 1940 года Михаил Лохвицкий, молодой краснофлотец, еще не принявший присяги, а посему в бескозырке без ленточки, шагал в строю под Батуми, проходил азы строевой службы. В армии ему нравилось, однако служба на берегу была все-таки далека от его мечты – плавать, ведь он стал сухопутным моряком.

«Строй, камбуз, чистка картошки, гребля, плавание, море, оружие мое, на котором вскоре я стал установщиком прицела». Такова была служба Михаила Лохвицкого. И чтобы настоять на своем – добиться перевода на корабль – он начал писать докладные. Правда, результатом этих стараний было лишь то, что его стали посылать на катер – корректировать стрельбы береговых батарей.

И вот началась война. «Через три месяца я уже попадаю под бом-

бежку на танкере «Ялта», доставлявшем нефть в Севастополь», – вспоминает М. Лохвицкий. На корабле он был ранен в ногу...

Спустя некоторое время его списали с корабля, как выяснилось позже, потому, что мать Михаила Юрьевича была немкой, и послали на Волгу, в Саратов, в какой-то полуэкипаж. Собравшиеся там моряки поняли, что их ожидает встреча с особистами, и не ошиблись. Часть из них отослали куда-то на Восток... А несколько человек летом 1942 года вошли в состав сформированного в Баку из добровольцев батальона морской пехоты для Азовской военной флотилии. Среди них был и Михаил Лохвицкий.

«После ранения отца не списали, – уточняет Ю. Лохвицкий. – Был еще Сталинград. Потом действительно предупредили, что возможен арест. В этот момент набирали в батальон морской пехоты. Когда пришел записываться, командир предупредил: «Зачем тебе это? Ты молодой, а мы все погибнем!». Отец откровенно рассказал о себе. На что командир отреагировал таким образом: «Действительно, лучше тогда к нам!»

Этот эпизод военной биографии писателя – отправка в полуэкипаж «неблагонадежных» – отражен в его романе «Неизвестный»: «В палатке нас пятьдесят человек – с Балтики, с Северного флота, с Черного моря, с Каспия. За нашей палаткой еще пять таких же. А всего в полуэкипаже тысячи две моряков. У доброй половины нерусские фамилии: в нашей палатке есть Рейдлих, Гете, Вольф, Немитц, Мюллер, Берге... Что с нами будет, никто не знает».

А дальше был фронт.

Из книги **Сергея Смирнова** «Герои великой войны» можно узнать много интересного о боевом пути 369-го отдельного десантного батальона морской пехоты – на примере судьбы медсестры **Катюши Михайловой**, воевавшей плечом к плечу с мужчинами и награжденной многими орденами и медалями: «...Перед отправкой батальона на фронт был 50-километровый марш-бросок по палящей кавказской жаре, с полной выкладкой, причем часть пути предстояло пройти в противогазах... Летом 1943 года морских пехотинцев перебросили

ПУТЬ НА ОШХАМАХО

на азовское побережье. Там начался боевой путь батальона, который пролегал потом на многие сотни километров и закончился в столице Австрии Вене». Сохранились письма Михаила Лохвицкого, относящиеся к самому тяжелому периоду войны.

Вспоминает Юрий Лохвицкий: «Когда спрашивал отца о причинах наличия в некоторых из этих писем с фронта излишнего патристического пафоса, он объяснял: все письма читались, мама – немка, любой иной текст мог стать причиной высылки родителей и отправки отца в штрафбат».

«20.4.43. Во взятии Осиповки отличились и мои друзья, морские пехотинцы, с которыми я нахожусь... За меня не тревожьтесь. Счастье мне всюду покровительствует».

«27.9.43. Я жив и здоров. Пока мне везет».

Да, Михаилу Лохвицкому везло. Но только ли в везении дело? Вспоминается рассказ М. Лохвицкого «Заклятие цыганки» – о том, как на войне человек, которому предсказали гибель, переборол страх смерти и... выжил. Под грузом заклęcia Володя не слабеет, а становится сильнее. Смелость, по Михаилу Лохвицкому, диалектична – она в преодолении страха.

Иначе сложилась судьба другого героя – Тулякова из романа «Неизвестный», который боялся смерти и потому «бежал позади всех и попал на мину». Для Лохвицкого это принципиальный момент – превозмочь силой духа роковое предначертание. Он не склонен верить в фатум. По мнению художника, человек способен скорректировать свою судьбу, если сумеет преодолеть в себе малодушие. Вспоминается Хома Брут из гоголевского «Вия», который погиб из-за своего животного страха перед неведомым злом, отсутствия силы духа, неверия в свои человеческие возможности. Черная сила одолела его. В то же время герои Лохвицкого часто «тягаются с жизнью», не желая мириться с неизбежностью, физическими недугами, слабостью – таков ослепший Русаков из «Неизвестного». Идея преодоления лежит в основе его замечательного рассказа «Охота на тигра». Всю жизнь сопротивлялся обстоятельствам и сам писатель...

Михаил Лохвицкий обладал даром предвидения. Перед очередным десантом мог определить по лицам, кто погибнет, – вероятно, подсознательно, интуитивно улавливал психологическое состояние человека с его будущим. А однажды спас товарища от слепоты. Море принесло бочки с какой-то жидкостью, и десантники, уверенные, что это спирт, решили ее попробовать. Их примеру последовал было и товарищ Лохвицкого. Но Михаил выбил кружку из его рук. Этот поступок возмутил десантника... Однако вскоре стало ясно, что такое странное, на первый взгляд, поведение Лохвицкого было продиктовано шестым чувством: моряки, вкушившие, как выяснилось, денатурата, стали слепнуть один за другим. Михаил Юрьевич не успел их остановить...

В годы войны судьба действительно словно оберегала писателя – ведь он еще не выполнил своего земного предназначения. Излишне суеверным Михаил Лохвицкий не был (хотя, по рассказам дочери Анны (Нюты), запрещал ей садиться на место водителя автомобиля, считая это дурной приметой – женщина за рулем!), однако верил в существование необъяснимых явлений. Вернемся к письмам М. Лохвицкого.

«16.10.43. Посылаю вам вырезку из газеты, где пишут, как действовала наша часть по освобождению Таманского полуострова. В этих боях погиб наш любимый командир – майор Рудь и мой хороший друг по Ульяновску, веселый жизнерадостный клоун». (Этот клоун стал прототипом Лешки в рассказе «Мечта»).

«28.12.43. Только что сменился с вахты и решил не спать, пока не напишу письма. Сегодня тихо. Изредка заговoryт пулеметы или иногда рывкнет разорвавшийся снаряд. Но в блиндаже все это глухо слышно (над головой несколько метров земли)...»

В этих строках угадывается будущий писатель, умеющий в нескольких словах (стиль Хемингуэя, пишущего точно и кратко) передать атмосферу войны. Впрочем, сравнение с Хемингуэем приходило в голову и другим. Так, журналист **Ирина Шелия** писала в своих воспоминаниях о двух «таких непохожих писателях, обитавших на разных концах земли», которые при этом «чувствовали, дышали и жили, как сросшиеся близнецы, потому, что лучше многих других понимали основные

ПУТЬ НА ОШХАМАХО

смыслы явления человека на свет и его роли в кругообороте жизни».

В книге С. Смирнова показан боевой путь 369-го батальона морской пехоты, нарисованы страшные картины сражений: «Взятие Темрюка – боевое крещение батальона. Это десант в плавнях, когда вода вставала столбами под взрывами мин, кипела под пулями, и камышовые стебли, срезанные как невидимой косой, падали на головы десанникам... Темрюк – маленький городок, но он стоил дорого: больше половины осталось там, в плавнях и на берегу».

А потом – Керчь, отвоеванный врукопашную «пятак» плацдарма у деревень Жуковка и Глейка. Наступление и соединение с войсками, занявшими окраины Керчи... После освобождения Крыма наступила очередь Дуная. Батальон перебросили под Одессу, и он вошел в состав Дунайской военной флотилии. Первой боевой операцией дунайцев стал штурм Белгород-Днестровского. Его брали ночью, под пулеметным огнем врага, при ярком сиянии осветительных ракет. И вот начался памятный освободительный поход по Дунаю – дорога через Румынию, Болгарию, Югославию, Венгрию, Чехословакию и Австрию.

В романе «Неизвестный» Лохвицкий передает свое эмоциональное состояние в этот период – устами главного героя произведения: «Я опьянен звонкостью чужих имен, названий, запахом приключений и странствий, о которых мечталось с детства».

И продолжает в своих воспоминаниях: «Я с жадностью знакомлюсь с людьми, нравами, обычаями... подолгу живу в Браиле, Нови-Саде, Будапеште. Звание у меня – старшина второй статьи, но я оказываюсь в роли то коменданта города, то лоцмана, то капитана буксира, то оперативного работника управления старшего морского начальника, а в самом конце войны в апреле 1945 года сажусь за руль автомашины и до 1947 года служу шофером. В промежутках я выполняю самые различные задания, несколько месяцев даже... «руковожу» авторемонтным заводом в Будапеште. У меня оказываются способности к языкам. Я бегло болтаю по-румынски и по-сербски, а венгерским овладеваю настолько хорошо, что меня иной раз, когда я переодеваюсь в гражданский костюм, принимают за венгра».

Легок и остроумен рассказ «Господин комендант», где как раз отражен период «комендантства» Михаила Лохвицкого. Герой новеллы старшина второй статьи Василий Лузгачев волею обстоятельств военного времени выполняет обязанности коменданта румынского города Браилы и оказывается в ситуациях сложных, подчас трагикомических, требующих быстрых, неординарных решений, находчивости и дипломатичности – при полном отсутствии опыта. Этот рассказ мог бы стать основой какого-нибудь фильма. Впрочем, кинематографичны многие произведения М. Лохвицкого. Вновь обратимся к письмам, отражающим события последних месяцев войны.

«5.01.45. Сейчас я сижу у приемника и слушаю Москву. Так хорошо послушать русскую музыку... Был я уже в Румынии, Болгарии, Югославии, через несколько дней буду в Венгрии...»

«20.06.45. Вероятно, теперь буду жить в самом музыкальном городе Европы – Вене. Я знаю, что вы по мне очень скучаете. Я тоже очень и очень. И скучаю по русской земле. Здесь мы находимся, как на острове. Кругом чужой язык, чужие люди. Правда, я за время пребывания здесь немного освоился с венгерским языком... Я не был дома пять лет, а многие по девять-двенадцать лет дома не бывали. Сейчас мне, как никогда, хочется учиться. Было бы время, учил бы какой-нибудь язык. Хочется английский – но нет возможности. Сильно тоскую по книге... Я так давно ничего хорошего не читал. В Вене немного научился немецкому языку. Я знаю, что мне придется трудно, придется учиться и работать. Но этого я не боюсь. Я научился борьбе за эти годы...»

За семь лет службы в армии писатель почти не задумывается о будущем. Правда, вначале немного рисует. Но особист дает ему понять, что лучше бы он поменьше увлекался пейзажами. Тогда Михаил Лохвицкий начинает делать записи в блокнотах, зарисовывает словами море, небо, людей, конспектирует прочитанное, выписывает цитаты. Это продолжается до 1943 года, а потом он уже не пишет ничего, кроме писем, – происходит накопление впечатлений, что позднее выльется в рассказы и роман о войне «Неизвестный».

Очевидно, что не пройди Михаил Юрьевич через испытания во-

ПУТЬ НА ОШХАМАХО

йны, его человеческая и творческая судьба сложилась бы иначе. Великая Отечественная, служба в морской пехоте (по степени риска для жизни морские пехотинцы приравнялись чуть ли не к штрафникам) закалили Лохвицкого, сформировали его характер и дали пищу его писательскому воображению. По мнению профессора ТГУ им. И. Джавахишвили **Марии Филиной**, «есть нечто, безусловно, роднящее многих писателей, прошедших войну... Навсегда осталось – оценивать жизнь по палитре основных цветов, простейших человеческих истин. Это уже не зависит от того, присутствует ли война сюжетно в том или ином произведении».

«Ничто так не проявляет человека, как война, – считает М. Лохвицкий. – Я узнал на фронте те человеческие качества, которые в мирное время могли бы остаться скрытыми. Я увидел высоты героизма, пропасти подлости и животной трусости. Я познал величайшую дружбу мужчины и беспредельность любви женщины».

В годы войны Михаил Лохвицкий прошел еще через одно испытание – сильным чувством: полюбил венгерскую девушку **Илону**.

Вспоминает Юрий Лохвицкий: «Отец вместе с товарищами шли по улице Будапешта и увидели, как наши солдаты пытаются изнасиловать девушку. Они ее отбили, а отец проводил до дому. На следующий день родители Илоны пришли к отцу с благодарностью и пригласили на обед. Так началась эта история».

Две недели продолжался их роман, конечно, изначально обреченный. Когда о встречах советского моряка с венгерской девушкой стало известно командованию, Лохвицкому пригрозили штрафбатом, взяли под арест. А Илона... куда-то бесследно исчезла.

Пережитая любовь вдохновила писателя на создание романа «Неизвестный». Читая это произведение, мы можем делать вывод о глубине чувства, оставившего вечный след в душе Лохвицкого (хотя роман не автобиографичен).

В финале романа «Неизвестный» герой, как капитан Грей из гриновских «Алых парусов», обещает своей Ассоль приехать за ней: «Я проведу корабль мимо рифов и приду к тебе, Илонка, ты только жди

и верь!» Увы, как всегда, реальность оказалась совсем не похожей на романтические грезы... Хотя она, венгерская Ассоль, действительно ждала своего Грея: в душе Илоны две недели любви тоже оставили след на всю жизнь.

Прошло двадцать лет. Михаил Лохвицкий едет в Венгрию и встречается с родственниками своей жены, которые жили именно в том доме, где он встречался когда-то со своей возлюбленной. Старый консерж рассказал, что на протяжении четырнадцати лет ежегодно, в одно и то же время Илона останавливалась в этом самом доме – снимала угол у консержа. Приезжала в надежде на чудесную встречу или... чтобы еще раз окунуться в воспоминания? Возможно, именно так...

А позднее сын писателя Юрий приобретет в Будапеште жилье. Искал именно в этом доме, с которым столько всего связано, но, увы, квартира нашлась только в доме напротив...

Эта грустная страница жизни Михаила Лохвицкого в чем-то (небуквально!) аукнулась спустя много лет в пронзительном рассказе о неосуществившейся любви «Звонок по зеленому телефону», по поводу которого новосибирская поэтесса **Елизавета Стюарт** написала: «Эта вещь навела меня на грустные размышления о том, что кто-то присвоил себе право решать за других вопросы любви и лечить от нее таким образом, как печат в вытрезвителе».

Немало страниц посвятил Михаил Лохвицкий фронтовому братству. Вспомним эпизод, связанный с арестом Быстрого, у которого, как говорят, сдали нервы – моряк расстрелял из автомата пленных... Товарищи, стоявшие в карауле, предлагают ему бежать, готовы рискнуть своей жизнью ради спасения попавшего в беду друга Кольки. Но Быстрый не избежал наказания.

Спустя годы, уже после издания романа «Неизвестный», Михаил Лохвицкий подружился с московским писателем Сергеем Сергеевичем Смирновым. Это был очень интересный человек, посвятивший свою жизнь реабилитации людей, оказавшихся в немецком плену, а затем высланных в сталинские лагеря.

Рассказывает Ю. Лохвицкий: «Сергей Смирнов (отец известного

ПУТЬ НА ОШХАМАХО

кинорежиссера **Андрея Смирнова**) делал действительно благородное дело, разыскивал неизвестных героев войны. Так нашлась Катюша Михайлова, и Смирнов добился, чтобы ей присвоили звание Героя Советского Союза. Впоследствии я с ней много общался и даже возил в Венгрию по местам боев».

Однажды, будучи в Москве, Михаил Юрьевич вместе с женой Натасей собирался к Сергею Сергеевичу в гости. А в это время в прямом эфире телевидения шла еженедельная авторская программа Сергея Смирнова, и Лохвицкий увидел на экране... медсестру 369-го батальона морской пехоты Катюшу Михайлову. Сразу кинулись к телефону, стали звонить на телестудию. Михаил Юрьевич попросил сообщить Катюше, что звонит старшина второй статьи Лохвицкий. Шнурки пришлось завязывать уже в такси, но, увы... к приезду писателя на телестудию передача закончилась. Увидев Михаила Юрьевича, Сергей Сергеевич хлопнул себя по лбу: как же он не понял, что матрос Лохвицкий и писатель Лохвицкий, с которым ему предстояло встретиться через час, – это одно и то же лицо...

Как бы то ни было, но встреча Катюши Михайловой и Михаила Лохвицкого состоялась. А 9 мая 1965 года однополчане, воевавшие в составе 369-го батальона и оставшиеся в живых, встретились у стрелки Васильевского острова в Ленинграде, возле Музея Военно-Морского флота, где хранилось знамя их части. Из 7500 моряков уцелели 82, а вообще из первого состава батальона до конца войны дошли всего двенадцать человек.

Еще одна интересная подробность. Вместе с однополчанином и другом **Леней Шамжиновым** Лохвицкий спустя много лет побывал в Керчи и нашел на месте боев свою землянку...

«Не дано примелькаться»

*Скрипи, мое перо,
Мой коготок, мой посох...*

Иосиф Бродский

Получил ответ из Дипломатического института. «Из Ленинградского водного сообщили, что прием закончен, в Одесский заеду сам, когда буду ехать домой. Мне на встречу в отношении демобилизации пошли благодаря моему желанию учиться» (22.09.46).

До демобилизации, с 1945 по 1947 гг., Михаил Лохвицкий служил шофером у капитана второго ранга **Потапова**. (Всю жизнь Михаил был страстным автомобилистом, однажды даже каким-то чудом добрался до цели раньше... самолета, перегнал его. С юности грезил о собственной машине – но осуществилась мечта гораздо позднее: с писательского гонорара Лохвицкий приобрел «Москвич».) Вместе с капитаном и его женой часто ходил в кино смотреть трофейные фильмы и «переводил» их на русский. «Сколько ты знаешь языков!» – восхищенно говорили Лохвицкому. А на самом деле при «переводе» он чаще всего просто давал волю своему воображению, что-то домысливал...

Еще будучи в армии, Лохвицкий попробовал себя в качестве журналиста: написал заметку для газеты «Красный азовец». Его даже пригласили на работу в редакцию, но... Михаилу хорошо в чудесном матросском братстве, и он даже отказывается от частых предложений поступить на курсы офицерского состава, в военное училище. По признанию Лохвицкого, где-то в глубине его души живет надежда на то, что он начнет писать. «А матросом узнаешь больше», – уверен он.

Но впереди открывались новые перспективы. В мае 1947 года Миша Лохвицкий демобилизовался. «Привыкать к послевоенной

ПУТЬ НА ОШХАМАХО

жизни было очень трудно, – вспоминает писатель. – Дома меня встретила почти нищета. Имея средства, в Тбилиси можно было купить все. Мне показывали дома миллионеров, кладовщиков, артельщиков, нажившихся за войну. А мои отец и мать, как и тысячи других, живших на зарплату, напоминали живые скелеты». Как это близко нынешней реальности: на разных полюсах наступившей после крушения советской империи эпохи – нищие и преуспевающие...

Рассказывает Валерий Партугимов: «Когда боец-десантник морской пехоты Миша Лохвицкий, повоевав с немцами, вернулся в 1947 году в Тбилиси, так получилось, что он оказался гостем в доме моих родителей. Было лето, и покрытое бронзой загара лицо Михаила, бескозырка с ленточками, натянутые на его крепко сбитый торс ослепительно белые моряцкие брюки-клев и полосатая тельняшка смотрелись шикарно и поразили мое детское воображение – мечтой было в то время уйти юнгой в море. Я жадно вслушивался в его рассказы о пережитом на фронте, удивляясь тому, что он говорит о страшных вещах почему-то с юмором, со смехом. В те годы немало военных из числа однополчан моего отца заходили проводить родных, но запомнились лишь опечаленными лицами и грустными голосами. Этот же лихого склада морячок был слеплен из крутого теста».

Михаил поступает лаборантом на кафедру мотовелоспорта Института физкультуры, потом начинает работать шофером частной машины. Но отец настаивает на том, чтобы он учился, тем более, что сам Миша мечтает об этом.

И вот наступило долгожданное 1 сентября 1947 года. Тбилисский государственный университет. Аудитория № 94. Именно здесь состоялась первая лекция по латинскому языку для студентов-первокурсников филологического факультета, среди которых был и молодой человек в форме военного моряка, поступивший в вуз как медалист, без экзаменов: Михаил Лохвицкий. А преподавателем латинского был любимый студентами **Иван Федорович Нижарадзе**.

Перед началом занятий Михаил познакомился с однокурсни-

ком **Сергеем Надировым** (он стал ученым-филологом) и вскоре подружился с ним. Молодых людей сблизило то, что оба они были людьми серьезными, с немалым жизненным опытом и интеллектуальным багажом – по сравнению с другими, еще совсем зелеными юнцами.

«Михаил Юрьевич Лохвицкий», – представился будущий писатель. Сергей Надиров пошутил: «Имя и отчество подходящие, а вот фамилия...» Но Миша не растерялся: «Мне это многие говорили, но я постараюсь и фамилию оправдать». Как показало будущее, эти слова были отнюдь не пустым бахвальством.

Два с половиной года Лохвицкий учился на стационаре. Занимались вместе с Сергеем Надировым по особому методу. В период сессии они встречались и по очереди, дополняя друг друга, отвечали на вопросы предстоящих экзаменов. Метод оказался настолько эффективным, что буквально за несколько часов друзьям удавалось проштудировать всю программу. А в оставшиеся до очередного экзамена дни ходили в театры, музеи, кино. Словом, наполняли свой досуг приятными и полезными впечатлениями.

Такое легкое усвоение университетской программы объяснялось еще и тем, что огромный багаж знаний был приобретен в школьные годы – уровень преподавания в средних учебных заведениях (в те годы) был очень высоким: многие педагоги в школе были с гимназическим образованием... К тому же Михаил Юрьевич запоем читал – как русскую, так и зарубежную литературу, блестяще сдавал экзамены по этим предметам, вызывая восторг преподавателей. По словам Сергея Надирова, его друг особенно любил Льва Николаевича Толстого.

Культурно-массовую работу в университете вел **Сергей Гаспарян**. Непосредственное участие в ней принимал Михаил Лохвицкий – вместе с другими фронтовиками, развернувшими бурную деятельность. Так, на вечере, посвященном юбилею Александра Сергеевича Пушкина, он выступил в спектакле по «Борису Годунову» – сыграл Гришку Отрепьева. Наверное, в те дни ему вспомнилось театральное детство...

ПУТЬ НА ОШХАМАХО

Еще один момент. Михаил Юрьевич, обладая выразительной, как говорят, кинематографической внешностью, пользовался успехом у женщин. Причем окружающих привлекал контраст: светлые глаза европейца и восточные черты лица. Племянница писателя, журналист **Эльза Ломидзе**, однажды спросила его: «Дядя Миша, а вас не вербовали в разведчики?» – «Вербовали, – ответил Лохвицкий. – У меня ведь столько кровей – почти что Рихард Зорге! Но я им сказал: «Пожалуйста, с удовольствием! Только я писатель, фантазер, у меня развито левое полушарие, образное мышление...» Они поняли, что такой, как я, им не нужен». Так что агент 007 из Лохвицкого не получился...

Вместе с Михаилом Юрьевичем учились **Константин Герасимов**, в будущем ученый-филолог и поэт, **Александр Буслаев**, известный шахматист, **Мурадин Кумахов**, впоследствии физик, член-корреспондент Академии наук России, **Шамиль Цхведиани**, заведующий кафедрой русского языка Сухумского субтропического института, **Л. Андриевская**, педагог, **О. Капанадзе**, журналист...

Уже на первых курсах Михаил Лохвицкий начал писать рассказы. Дебют – «Медаль Ушакова» – оценил писатель **Эммануил Фейгин**, работавший в газете Закавказского военного округа. Он хотел опубликовать рассказ, но с сокращениями. «Сократить его он не сумел, – вспоминает М. Лохвицкий. – Услышав это, я самодовольно и нахально улыбнулся. Он, как и следовало ожидать, рассердился и разнес рассказ. Я выслушал его и ушел с окрепшей верой в свои возможности и желанием продолжать писать».

Материальные трудности – стипендия была маленькой, «а жить на отцовскую зарплату не позволяла совесть», – заставили Лохвицкого перейти со стационара на экстернат и искать заработок. Написал несколько информационных для ГрузТАГа (республиканское отделение ТАСС), а через месяц стал корреспондентом газеты «Молодой сталинец», возглавив отдел по работе с сельской молодежью.

«На заседании бюро горкома первый секретарь вдруг спохватился и спросил: «Товарищи, какой из него заведующий отделом, когда он в сельском хозяйстве ничего не понимает?» Один из членов бюро –

весельчак и любитель спорта – ответил: «Не беда, съездит раз-другой в Цинандали, и все узнает». Он выразительно щелкнул себя по горлу. Все рассмеялись, и меня утвердили, – вспоминает писатель. – После первого материала, привезенного мной, я получил строгий выговор, потому что напутал все, что только можно было напутать, дал разыграться своей фантазии и написал многое, как рассказ, то есть домыслил факты так, как мне показалось верным. После первого скандала я понял, что журналистика требует точности».

В годы работы Михаила Лохвицкого в «Молодом сталинце» редакция располагалась в том же здании, что и «Заря Востока» (позднее – газета «Свободная Грузия»), на пятом этаже. Именно по этим лестницам поднимался писатель, именно в эти окна смотрел... Проглядываю пожелтевшие вырезки газет с публикациями Михаила Юрьевича разного периода. Здесь и «Фельетон о фельетоне» на злободневную тему, и «Война» – трагическая история любви, обретенной и утраченной: взорвавшаяся уже в мирное время граната унесла жизнь возлюбленной героя-фронтовика, потерявшего в войну всех близких, и «Млечный путь» – рассказ о сложной природе взаимоотношений людей, их неспособности понять, услышать друг друга...

Период корреспондентства был очень важным для писательской судьбы Михаила Лохвицкого. По собственному его признанию, он попал в прекрасный коллектив, «почти все горели в работе, хотя и проявляли порой по отношению друг к другу излишнюю ригорическую требовательность».

По воспоминаниям журналиста и переводчика, близкого друга Михаила Лохвицкого **Арчила Джапаридзе**, с которым он познакомился именно в редакции «Молодой сталинец» (эта дружба сохранилась на всю жизнь), газета была довольно интересной, затрагивала острые темы. Так, в начале 50-х гг. ректор Тбилисской академии художеств, человек с именем, исключил несколько десятков наиболее талантливых студентов I и II курсов с клеймом «преклонение перед Западом». В тот период в союзном масштабе преследовались художники, нарушавшие в своем творчестве «принципы социалистиче-

ПУТЬ НА ОШХАМАХО

ского реализма» и, так сказать, попавшие под тлетворное влияние западной культуры... «Молодой сталинец» выступил со статьей в защиту этой молодежи – причем в то время, когда партийная печать вовсю громила всяких «отщепенцев».

Тогда же, как рассказывает Арчил Джапаридзе, Михаил Лохвицкий написал острую статью «Жоржетта идет на концерт», высмеивающую слепое подражание Западу. Она прозвучала тогда очень актуально.

Коллектив в «Молодом сталинце» (в разное время здесь работали Юний Поляков, Константин Крымский, Валентина Балуева, Игорь Голембиовский, Борис Кокашвили, Герман Капшоян, Малхаз Какабадзе, Резо Габриадзе, Тамаз Буачидзе, Арчил Джапаридзе, Эдуард Алтунов, Владимир Харазов, Сергей Попов, Алеша Нодиа, Зураб Ахвледиани, Кора Церетели, Игорь Масин, Сергей Надиров, Александр Буслаев и другие) был очень дружный, веселый, любил розыгрыши.

Однажды объектом шутки стал Арчил Джапаридзе. А разыграл его Михаил Лохвицкий.

«Дело было на редакционной летучке, – вспоминает Арчил Джапаридзе. – По заведенному порядку каждый журналист выступал по поводу последних газетных публикаций – делал обзор материалов. Я не успел подготовиться заранее и попросил у Миши подшивку. Просмотрел ее и заинтересовался какой-то статьей. Подошла моя очередь высказаться, я начал выражать восторг по поводу этой публикации. Редактор удивился: «Арчил, о каком материале вы говорите? Я не могу найти». – «Как?» И я назвал дату публикации. Раздался гомерический хохот. Выяснилось, что Миша подsunул мне номер «Вечерки». Я впопыхах пробежал материал, не обратил внимания на подпись и затем добросовестно проанализировал его на летучке...»

Как-то коллектив сплоченно выступил против своего редактора: в те годы (да и всегда!) случай беспрецедентный. Лохвицкий, будучи человеком порядочным, в этой истории, как всегда, проявил принципиальность.

А ведь это было сложное время, человек рисковал потерять рабо-

ту, когда даже незначительная корректорская ошибка могла обернуться обвинением в политической неблагонадежности. Как-то Михаил Юрьевич был дежурным по номеру, и в газете прошла серьезная опечатка: вместо «Хрущев» в «шапке» красовалось – «Хууцев». Была отпечатана и доставлена в киоски уже половина тиража, когда ошибку обнаружили. Выручая дежурного, редактор успел объявить Лохвицкому выговор до того, как позвонили сверху, требуя строгого наказания виновного. Но дважды за одно преступление, как известно, не судят... А корректор от занимаемой должности был все-таки освобожден.

В коллективе Михаила Юрьевича любили и уважали. «Лохвицкий был человеком мягким, даже застенчивым, но в нем ощущался крепкий нравственный стержень», – вспоминал Арчил Джапаридзе.

Об этом же говорил Валерий Партугимов, отмечая в Лохвицком натуру гладиатора, «готового к бою и дерзко несущего в себе эту готовность» и созданного природой «для каких-то предстоящих жестоких сражений с племенами варваров и нелюдей». И такие сражения в жизни Лохвицкого происходили, и не раз...

В «Молодом сталинце» начинали многие известные впоследствии личности... В таком ярком окружении, творческой атмосфере развивался талант молодого Лохвицкого. Он ездил по всей Грузии, в самые отдаленные районы, и постепенно сложился как очеркист, пользующийся неизменным уважением людей, о которых писал в своих материалах. По мнению **Михаила Заверина** (Заверин – псевдоним литературного критика **Михаила Вайнштейна**, заведовавшего бюро русской секции Союза писателей Грузии. Михаил Захарович был редактором первой книги Лохвицкого. Писатель высоко ценил Заверина: «Скромный, всесторонне знающий человек редкого обаяния, принципиальности и тончайшего ума»), «именно беспокойная профессия журналиста и обогатила его во многом запасом наблюдательности, обострила интерес к событиям сегодняшней жизни, к судьбам людей... Отсюда – подкупающая достоверность лучших его рассказов, интересных прежде всего остротой проблематики».

В этот период произошло еще одно событие, полностью изме-

ПУТЬ НА ОШХАМАХО

нившее жизнь Михаила Лохвицкого: «Воспоминания о молодежной газете для меня одни из самых светлых, не говоря уже о том, что работа там подарила мне верного друга, спутника и соратника, любимого человека. Я стал семьянином, отцом двоих детей».

Наташа, Наталья Павловна Андроникова (мистическое пересечение: Михаил Юрьевич Л. и Андроникова, состоящая в дальнем родстве с **Ираклием Андрониковым**), работала тогда техническим секретарем редакции. По воспоминаниям друзей, она была мудрым, сильным человеком. «В их доме, как правило, собирались интересные люди. Мишу всегда окружали писатели, журналисты. К Лохвицким приятно было зайти на огонек – Наташа создавала в доме творческую атмосферу, уют, была мужу верной помощницей, поддерживала его во всех делах», – вспоминает А. Джапаридзе. Кстати, последнее произведение М. Лохвицкого – рассказ «Ираклий», напечатанный в «Огоньке» в 1990 году, уже после смерти писателя, – публикация доброго гения писателя Наташи Лохвицкой. Разделив с мужем все радости и горести, она ненадолго пережила его...

«В 1947 году я начал писать повесть на материале Отечественной войны, но сил и умения было мало, а тема требовала больших раздумий. Я решил поучиться на рассказах», – читаем в автобиографии писателя.

Через семь лет на заседании редакционного совета издательства «Заря Востока» книга рассказов Михаила Лохвицкого была внесена в план издания, а в 1955 году вышла в свет под названием «Встречи в пути».

Окрыленный успехом, Михаил Юрьевич, тем не менее, был отнюдь не склонен переоценивать свои литературные достижения, критически относился к первому опыту: «Книга, конечно, была слабая. Я об этом догадался тогда, твердо знаю это сейчас. Понимаю я также и то, почему все же ее было решено издать – ради будущего. Издатели поверили в мои возможности. Они знали, что ничто так не растит писателя творчески, как книга... Творческие люди легко ранимы, и жесткие преграды на пути молодых могут погубить не одно дарование».

Своими сомнениями начинающий писатель делился с первым редактором Михаилом Завериним. Тот выслушивал молодого автора, посмеивался и объяснял, что, по его мнению, нужно еще дописать, доделать. «За время работы редактора со мной я написал новый рассказ «Голубь», по-моему, лучший в книге. Если бы каждый писатель встречался с такими редакторами, у нас было бы меньше серых книг, а многие из удавшихся были бы еще лучше», – считает Лохвицкий.

Свою первую книгу Михаил Юрьевич послал двум писателям – **Сергею Сергееву-Ценскому** и **Михаилу Шолохову**. От автора «Тихого Дона» он ответа не получил, а вот Сергей Николаевич Сергеев-Ценский живо отреагировал на факт рождения нового прозаика: «Общее впечатление от Вашей книги осталось у меня такое – хорошие способности рассказчика у Вас налицо, и Вам остается только глубже проникать в психологию выводимых лиц и гораздо крепче свинчивать следствие с причинами».

«Письмо Сергеева-Ценского окрылило меня, заставило меня серьезно задуматься, почувствовать огромную ответственность за все, что я пишу. Несколько лет после того я переписывался с Сергеем Николаевичем, ездил по его приглашению к нему в Алушту, провел с ним незабываемые часы. Смерть его была для меня большим горем».

В своей журнальной публикации «Властелин словесных тайн» Михаил Лохвицкий называет Сергеева-Ценского богатырем русской литературы, сравнивает его с Львом Толстым, спорит с теми, кто недооценивает творчество Сергея Николаевича.

Сергей Сергеев-Ценский сыграл огромную роль в творческой судьбе молодого писателя: всячески поддерживал, вселял в него веру в свои силы, но при этом был требователен. Вот строки из письма Сергея Николаевича Михаилу Лохвицкому от 8 октября 1957 года: «Писательство – искусство, требующее отдачи ему всего времени, как это принято у художников кисти. Репин, например, позволяя себе отвлечься от своих картин только на один день в неделю, – именно в среду он отдыхал, но и этот отдых был у него с альбомом и ка-

ПУТЬ НА ОШХАМАХО

рандашом в руках. Так же точно должен делать и писатель – художник слова. Когда не пишет, он должен накапливать материал путем наблюдений и заметок в записной книжке.

Вы пишете, что вынашиваете большую вещь. Большая вещь требует много строительного материала, который должен быть уложен в соответствии с заранее начерченным архитектурным планом, чтобы получилось здание гармоничное, а не хаотичное. ... Что необходимее всего для романа – это большая мысль, положенная в его основу, мысль современная и философская».

Сергеев-Ценский предсказывал, что наибольшего успеха Лохвицкий достигнет, если обратится к более крупным литературным формам, начнет писать романы. Свой первый роман «Неизвестный» он посвятил учителю – Сергееву-Ценскому.

Впрочем, писательским становлением Лохвицкий обязан многим – начиная со школьных лет. Обратимся к воспоминаниям Михаила Юрьевича.

«Елена Константиновна Науменко – учительница русской литературы в школе – маленькая обаятельная женщина, уже не молодая. Она была знакома с В. Маяковским, любила его. Литературу знала блестяще и преподавала ее так, что даже закоренелые «физики» брались за книгу и научались получать наслаждение от строки «И звезда с звездою говорит»... Она поощряла нас в поисках, любила, когда мы задавали «каверзные» вопросы, давала сочинения на свободную тему. И ее уроки часто превращались в страстные споры о литературе и жизни.

Писатель **Андро Ломидзе** – он первый написал рецензию на мою книжку «Встречи в пути» в грузинской литературной газете. Он часто напоминал мне пушкинские слова о краткости, как главнейшем достоинстве прозы.

Директор издательства «Заря Востока» **Марк Израилевич Златкин** – образец настоящего издателя. Он не только великолепно знает полиграфию, финансы, экономику, не только любит литературу и писателей, он не только энтузиаст книгоиздательского дома, он еще

творец, романтик, фантазер, умеющий рисковать и, самое главное, упрямо и твердо верящий писателю. Не только я, но и многие сотни писателей обязаны М.И. Златкину появлением на свет своих книг. Сколько раз в трудную минуту, когда нужно было забросить работу, рвущуюся из души, и заняться поисками заработка, я вдруг получал приглашение зайти в издательство получить деньги. «За что? Мне ведь ничего не полагается». И бухгалтер отвечал: «Не знаю. Марк Израилевич распорядился, чтобы вам выдали эту сумму». Я не раз спорил со Златкиным, мы ссорились, но даже в дни отчуждения я мог рассчитывать на его поддержку и внимание.

Писатель **Григол Чиковани**, критики **Лавросий Каландадзе** и **Семен Трегуб**, новосибирские писатели – талантливейший детский прозаик **Юрий Магалиф**, поэтесса чистой воды **Елизавета Стюарт**, поэты **Хута Берулава** и **Баграт Шинкуба**, патриарх абхазской литературы **Дмитрий Гулиа** и сын его **Георгий Гулиа** – скольким я обязан за внимание к своему творчеству!»

В 1956 году Михаил Лохвицкий становится членом Союза писателей СССР (после «Молодого сталинца» он работал в журнале «Литературная Грузия»). Сразу после выхода первой книги «Встречи в пути» он пишет маленькую повесть «Через овраг». Благодаря настойчивости М.З. Заверина ее напечатали в сборнике «Содружество» (1958 г.). «Как мне позже стало известно, повесть должна была подвергнуться разному в печати за остроту, но каким-то чудом статьи не появились, а последующие постановления пленумов ЦК КПСС вызвали противоположную реакцию и повесть стали официально одобрять, – пишет М. Лохвицкий. – Я эту повесть, несмотря на недостаток мастерства и ту же «эскизность», считаю удавшейся и люблю до сих пор. Поэтому я включил ее и в книгу «Шумит Кура», изданную в 1962 году в Тбилиси».

В 1958 году в издательстве «Молодая гвардия» выходит в свет книга «Люди горных краёв». Вошла туда и повесть «Через овраг». Появляются первые рецензии, в которых этому произведению дается высокая оценка – так же, как и рассказам «Тяжелая палата», «Тасо».

ПУТЬ НА ОШХАМАХО

В одном из откликов определена основная линия творчества Михаила Лохвицкого – «жадная пытливость к процессам быстротекущей жизни, желание постигнуть и запечатлеть в человеческих характерах ее важнейшие закономерности».

«Метафоры его локальны, непринужденная разговорность свидетельствует о не книжности лучших вещей. «Влажно зеленеют» – можно ли сказать точнее и поэтичней?.. За его рассказами встает человек широкий, искренний, с ясным, честным взглядом на мир. Есть в этом взгляде что-то от несуетных горных вершин, от красоты овечьих пастбищ, от того самого синего моря, которому, по словам поэта, «не дано примелькаться» (В. Приходько).

Один из лучших ранних рассказов Лохвицкого – «Тяжелая палата». Здесь намечены антиномии, которые в дальнейшем будут разрабатываться писателем в других произведениях. Открытость к людям – замкнутость, любовь к миру – скептическое, даже циничное отношение к окружающему. Если главный герой рассказа Отар Габлиани – человек светлый, веселый, жизнелюбивый, доброжелательный, то Лианозов – полная ему противоположность. Но в «тяжелой палате» идет борьба не столько между ними, сколько между разными жизненными установками. Вера или неверие? Человек способен лишь обманывать, предавать, жить во имя личной выгоды, защищать свои интересы или... может проявить самоотверженность, помочь ближнему, сотворить бескорыстное добро? Кому поверит маленький Витя – Лианозову или Габлиани? Чья установка окажется сильнее? От этого зависит будущее мальчика, внутренний мир которого только формируется...

«Тяжелая палата» – это микромир, который воплощает в себе идею большого. Здесь живут люди разных национальностей (ведь это – старый Тбилиси, которого сегодня нет!), с непохожими характерами, разным культурным уровнем, разными потребностями. И между ними складываются определенные отношения. Кто-то доминирует, становится лидером, назревает глубинный конфликт, который в конце концов разрешается... Добро побеждает зло.

Но не все так просто у Михаила Лохвицкого. Несмотря на столь жесткое противопоставление двух позиций, он отнюдь не упрощает реальные взаимоотношения людей. Лианозов, которого окружающие невзлюбили за его злобный нрав и цинизм, неожиданно оказался человеком, способным на героический поступок: как выяснилось позднее, в больницу он попал, спасая девочку. Вот и суди после этого о человеке...

По материалам своих частых поездок на Черное море, плавания на аварийно-спасательных судах, приписанных к потийскому порту, Михаил Лохвицкий пишет повесть «Человек выходит в море».

Вот как оценивает это произведение **А. Жаров**: «...Очень приятно видеть в Вашей повести именно таких – живых, настоящих моряков. Не беру на себя смелость считать, что я прочел все о морях, но среди того, что я читал, вы третий после Новикова-Прибоя и Виктора Конецкого, написавший правду о людях, отдавших себя морю».

Совершенно иначе относится к повести сам писатель: «Написал я ее честно, но не продумал, не доносил, в ней много небрежностей языковых. Я стыдился этой книги, не любил, когда о ней говорили. Рецензии, в которых книжку хвалили, приводили меня в смущение – огорчали».

Вновь – критический взгляд на себя, никакой снисходительности, тем более – самодовольства, самоуверенности! А вместе с тем мастерство писателя растет.

Глоток родниковой воды

*В деревне Бог живет не по углам,
как думают насмешники, а всюду...*

Иосиф Бродский

В те же годы Михаил Лохвицкий пишет свои знаменитые «Кортанетские рассказы». Если в Кортанети какое-нибудь застолье, рассказывают близкие, все поднимают тост за Мишу Лохвицкого. Вспоминают о том, как он мальчишкой здесь бегал... Это – пример мифотворчества, свидетельство того, что Михаила Юрьевича полюбили в этой деревне, стали воспринимать как близкого, родного человека, земляка... Писатель и сам очень любил Кортанети. И когда его сын Юрий окончил институт, настоял на том, чтобы он поехал на работу преподавателем русского языка и литературы именно туда.

В 70-е годы здесь проржавел очередной канатный мост, и деревня оказалась отрезанной от большой дороги (автомобильного сообщения не было, только железнодорожное), и именно Михаил Лохвицкий пришел на помощь кортанетцам – начал хлопотать о строительстве нового моста. Дошел до самого предсовмина Патаридзе. В результате жители Кортанети получили большой красивый мост. Михаила Лохвицкого избрали почетным кортанетцем, а новое долгожданное сооружение стали называть не иначе как «мишас хиди» («Мост Миши»).

Любопытны подробности встречи писателя с **Зурабом Патаридзе**. Выслушав просьбу М. Лохвицкого, он удивился: «Ваши коллеги пробиваются ко мне всеми возможными способами с тем, чтобы получить что-то лично для себя, а вы мост собираетесь построить?» – «Я выполняю поручение кортанетцев!» – уточнил Михаил Юрьевич. «Что ж, передайте кортанетцам: мост у них будет!» – пообещал предсовмина. И обещание свое сдержал.

«...Быть строителем мостов, ведущих к пониманию между людьми, – главный пафос творчества М. Лохвицкого», – считает М. Филина.

Читатели, литературные критики приняли «Кортанетские рассказы» с восторгом. Так, **Семен Трегуб** писал, что в этом цикле воплощена Грузия, что именно здесь истоки творчества Михаила Лохвицкого. А Елизавета Стюарт отмечала самобытность, аромат, внутреннюю чистоту, человеколюбие, поэтичность рассказов.

«Вместе с Ионой грустишь и смеешься. Вместе с ним идешь по великолепному грузинскому рынку... Почти физически ощущаешь, какая жаркая кровь льется в теле Ионы, как ищет выхода в работе, в шутке, в песне его неистощимая жизненная сила», – так пылко выражает свое впечатление от одного из лучших рассказов цикла «Иона отдыхает» **В. Приходько**.

Разделяет это мнение **М. Кекелидзе**: «Самые удачные в сборнике – «Кортанетские рассказы». Они как венок сонетов. Тесно переплетаются в них судьбы героев, и последний рассказ «Куда текут реки» снова возвращает нас к первому – «Белый свитер». Мы не только читаем о любви автора к селу Кортанети и его людям в маленьком предисловии, но и чувствуем ее во всех рассказах – в их тексте и подтексте».

«Просветленное начало в сущности Михаила Юрьевича с особой силой любви и надежды на лучшее в человеке выражено в его «Кортанетских рассказах», принесших ему первый настоящий успех у критиков и читателей», – отмечает И. Шелия.

В процессе работы над «Кортанетскими рассказами» формировались эстетические воззрения М. Лохвицкого, его взгляды на взаимоотношения писателя с окружающей реальностью. Он оспаривает мнение коллег Демны Шенгелая и Семена Трегуба, утверждавших, что явления и людей нужно брать из жизни. Сам Лохвицкий согласен с точкой зрения С. Сергеева-Ценского: «От себя к изображаемому, а не от изображаемого к себе – вот основной закон искусства». «Иначе писатель превращается в фактографа, копииста! – считает Михаил Юрьевич. – Самое удивительное же, что некоторые из персонажей,

ПУТЬ НА ОШХАМАХО

выдуманых мною, обрели потом в Кортанети своих прототипов».

Хочу привести отрывок из воспоминаний писателя, свидетельствующих о его духовной близости с жителями этой деревни: «Однажды я спустился со второго этажа дома, где работал, вниз – поужинать. Было начало апреля, в долине цвел миндаль, а на горах вокруг выпал снег. За ужином собралась вся семья – глава ее, старший колхозник и путевой обходчик Георгий Девадзе, жена его Аничка, дети – лесник Омари с женой, второй сын, заведующий фермой Джемал. Старший сын Ило к этому времени уже отделился и жил по соседству, младший – Мишико был в армии.

Работа у меня не ладилась, я весь день просидел впустую, и настроение было подавленное. Дядя Георгий это сразу заметил. Он проработал с самого рассвета на рубке леса, и глаза у него смыкались от усталости. Покосился на меня и попросил Аничку, чтобы она принесла сливовой водки. «Выпей, – сказал он мне, – со мной вместе. За нашу работу! Как она у тебя продвигается?» Я мрачно ответил, что дела плохи. Дядя Георгий задумался, покачал головой и ласково, с укором произнес: «Мне уже за шестьдесят, посмотри, какие у меня руки от работы. Всю жизнь, с самого детства я тружусь и все еще не смог добиться того, что хотел. Но духом я не падаю. А ты один день посидел, не получилось – и уже нос повесил. Давай чокнемся, за твою завтрашнюю удачу». На другой день работа моя сдвинулась с мертвой точки». Этот эпизод полностью вошел в рассказ «Живой родник», предваряющий в двухтомнике Михаила Лохвицкого кортанетский цикл.

Наиболее удавшимися из «Кортанетских рассказов» сам писатель считал «Белый свитер», «У парома», «Иона отдыхает». Прелесть героев цикла, на взгляд автора этих строк, в их простоте, безыскусности, близости к природе, чистоте, цельности. Эти качества утрачены современным человеком, прежде всего – горожанином, брошенным в водоворот быстротекущей жизни. Интересно постигать «диалектику души» (если пользоваться известным термином) ничем вроде бы не примечательного Ионы... Потрясает рассказ «Шумит Кура

на порогах», в котором показан уход из жизни пожилого человека – старого Баграта. Небольшое по форме произведение обретает трагическое, философское звучание. Речь в нем идет не только о смерти конкретного человека – это неизбежный итог жизни каждого. Удивительно описание ухода на фоне заката солнца. Умирает человек – кончается день, угасает светило... Вспомним **Осипа Мандельштама**: «Человек умирает. Песок остывает согретый, И вчерашнее солнце на черных носилках несут».

Кортанети было для М. Лохвицкого «живым родником», местом духовного очищения, своего рода Меккой. «Только в Кортанети на меня, как говорили древние, нисходит мир и покой. Наверное, у каждого человека, у каждого писателя есть свой живой родник, свое Кортанети, наиболее близкий ему уголок Земли, стоя на котором, он лучше видит то, что выражает душу народа».

«Все — любить!»

*«Единство, – возвестил оракул прежних дней, –
Быть может спаяно железом лишь и кровью...»
Но мы попробуем спаять его любовью, –
А там увидим, что прочней...*

Федор Тютчев

К написанию одного из лучших своих произведений – романа «Неизвестный» – Михаил Лохвицкий приступил в 1959 году, а вышел он в свет в 1965-м. Работа над романом была для писателя, по его признанию, и мукой, и радостью.

«Роман «Неизвестный» мог быть закончен и позднее. Но обстановка, в которой я находился несколько лет тому назад в Тбилиси, очень способствовала творчеству, – вспоминал М. Лохвицкий. – У нас был небольшой круг литераторов, объединенных близкими творческими взглядами. Последнее, конечно, не мешало нам яростно спо-

ПУТЬ НА ОШХАМАХО

ритель. Правда, сам я в спорах мало активен, чаще слушаю и молчу. Почему-то мне легко говорить, спорить, доказывать и опровергать про себя или на бумаге, а не вслух. Но зато Михаил Заверин и очень талантливый человек, новеллист, увлекшийся впоследствии кино, страстный и горячий **Армен Зурабов** способны были спорить до хрипоты. Мы часто встречались, читали друг другу то, что написали, жестоко громили слабые места, помогали рождению находок. Переживали удачи и неудачи других, как свои. Когда я закончил роман, мои друзья первыми меня поздравили».

Высоко оценили работу писателя поэт **Александр Межиров** и критик **Борис Рунин**.

«Никогда мне не забыть тех ободряющих слов, которые услышал от Межирова и Рунина. Они оба прочитали «Неизвестного» в несколько дней. Александр Петрович, увлекающийся, как и всякий прирожденный поэт, наговорил мне кучу таких восторженных слов, что я сумел от них сразу и опьянеть, и отрезветь. В конце рукописи он написал: «Спасибо вам». И это была, пожалуй, самая большая похвала из всех, какие я когда-либо получал. Борис Михайлович сделал целый ряд замечаний – не все я принял, но большинство из них были очень точными и верными, и я буду всю жизнь благодарен ему за критику – помощь».

Сильным многоплановым полотном о человеке, возмужавшем на войне, называет роман Владимир Приходько. Не менее восторженными были оценки и других читателей, критиков, которые выражали их в своих письмах Михаилу Лохвицкому.

Из письма **Л. Дерюгиной** от 6 августа 1975 года: «Одна моя знакомая сказала недавно, что вы пишете на западный лад. И объяснила: у вас герой никогда не застрахован от неожиданностей, от того, что история его может обернуться трагически, тогда как обычно у нас в литературе (...) герой ходит как заговоренный, неуязвимый для любого несчастья... Ваш Неизвестный встает в один ряд с героями таких, скажем, вещей, как «Лже-Нерон» Фейхтвангера и особенно совсем недавних – «Назову себя Гантенбайн» и «Штиммер» Мак-

са Фриша, «Групповой портрет с дамой» Белля и даже последнего фильма Антониони «Профессия – репортер».

Человек, в силу драматического стечения обстоятельств выпавший из социума. Именно таков герой романа «Неизвестный».

Проблема выпадения из ячейки установленной иерархии общественного устройства, тема отчуждения волновала многих писателей. К примеру, японского прозаика **Кобо Абэ**, герои произведений которого оказываются вне привычной среды, знакомой системы ценностей, вынуждены осваивать или выстраивать новую для себя реальность. Герой самого знаменитого его романа «Женщина в песках» насильно удерживается в зыбучих песках – страшных обстоятельствах выживания, тщетно пытается вырваться из плена и вернуться к прежним связям и образу жизни. А персонаж другого произведения Кобо Абэ – «Чужое лицо» – стал изгоем из-за травмы, изуродовавшей его лицо. С «чужим» лицом он иначе слышит, чувствует, ощущает себя совершенно другим человеком. И окружающие не могут не измениться по отношению к нему. Ведь изуродовано не только его лицо – изуродовано сознание. Травмы, как известно, бывают разными.

Американский писатель **Джон Апдайк** назвал человека в своем романе «Кентавр» «животным с трагической судьбой». Он изначально обречен на одиночество в абсурдном мире – в этом уверен и автор культовой пьесы «Что случилось в зоопарке» **Эдвард Олби**. Собственно, об этом – вся современная литература. Но человек, тем не менее, мучительно и постоянно стремится к себе подобным, ищет понимания, сочувствия, любви. Ищет порой парадоксальным образом – через отрицание. Сознывая тщетность своих усилий, абсурдность, враждебность окружающего...

Конечно, Михаил Лохвицкий не делает в своем романе выводов об экзистенциальном одиночестве личности – он жил и творил в мире, в котором проповедовались идеи всеобщего единения. Но мысли о неприкаянности человеческой души, ее трагическом одиночестве невольно возникают при чтении романа «Неизвестный». Ге-

ПУТЬ НА ОШХАМАХО

рой Михаила Лохвицкого утратил связи с прошлым, людьми и, как следствие, ощущение реальности, своего места в ней – из-за потери памяти в результате контузии. Он глубоко страдает, и возвращение в сей мир для него, фронтовика, прошедшего через испытания военного времени, – процесс сложный и длительный. Этим произведение Лохвицкого близко и литературе «потерянного поколения».

Интересна мысль одного из героев романа Кобо Абэ «Сожженная карта»: «Мы по своему усмотрению определяем человеку место, где он должен жить, а сбжавшему набрасываем на шею цепь и водворяем на место... Мы видим в этом здравый смысл, но основателен ли он?.. Кому дано право наперекор воле человека решать, где ему жить?». Настойчивые усилия прилагают окружающие, чтобы «водворить на место» героя романа «Неизвестный», сделать его вновь частью социума. Но в том то и дело, что герой Лохвицкого сам тяжело переживает свою неприкаянность, рвется к восстановлению утраченных связей с людьми, прошлым и будущим. Это дается ему нелегко – ведь у Неизвестного теперь несколько иная система координат: произошло смещение... И тем не менее писатель уверен: бегство, уход из мира, пусть и несовершенного, – дорога в тупик. Эта мысль отчетливо звучит в последнем романе Лохвицкого – «Поиски богов». Впрочем, она проходит через все творчество писателя. Вновь обратимся к откликам.

Из письма **Валентина Берестова**, датированного 29 марта 1965 года: «Он (роман – *И.Б.*) очень захватил и покори́л меня, я его буквально проглотил... ошеломленный его удивительным сюжетом, великолепными новеллами, отступлениями в прошлое, двумя планами, в которых разворачивается действие».

Е. Стюарт: «Прочитала «Неизвестного», не отрываясь. Ни минуты не было скучно. Есть много просто великолепных, на мой взгляд, страниц. Написано все очень профессионально».

Из письма **Владимира Турбина** от 7 февраля 1965 года: «Огромная проблема затронута: человек без имени, человек без анкеты... человек, в силу обстоятельств выпавший из какой-то системы и став-

ший просто человеком. И все торопятся поскорее втиснуть, вписать беднягу обратно, в систему...»

«Человек без имени, без анкеты». Человек, пришедший ниоткуда и идущий в никуда! Неизвестный вынужден по крупичкам, кирпичикам собирать, выстраивать свою биографию, восстанавливать распавшуюся связь времен (для героя романа, как для Гамлета, «порвалась связь времен»). А на этом пути восстановления – процесс самопознания, самоидентификации, внутреннего строительства. Такой же путь проходит герой последнего произведения Михаила Лохвицкого Озермес.

Во мраке угасшей памяти Неизвестного время от времени всполохами вспыхивают воспоминания, картины детства, военных лет. Они и составляют второй план повествования, разбивая черную стену между героем и его прошлым. Воспоминания вклиниваются в сюжет с кинематографической яркостью, графической четкостью. Образы возникают крупным планом – немец с оторванной головой, девушка, всплескивающая руками в золотистых лучах солнца... Читая роман, я чувствовала, насколько интересен он был бы и как сценарий, литературная основа фильма. Вспышки воспоминаний высвечивают и внутренний мир героя, находящегося в состоянии смятения, душевного разброда: «Я тогда словно потерялся, заблудился в огромном полуживом городе. Он был таким же путанным и непонятным, как сам я. Дней и ночей для меня не существовало, и никому, кроме завтрашнего дня, не было известно, каким я стану».

Многозначителен конфликт Неизвестного с героем романа Бесфамильным. В этом столкновении Елизавета Стюарт увидела спор Неизвестного с самим собой. Проявляя крайнюю жесткость, юношеский максимализм по отношению к своему альтер-эго, он пытается решить и собственную глубинную проблему. Сильны послевоенные надежды на всеобщее счастье, счастье не только для себя и своих близких: «чтобы все родители и все дети хорошо жили», «сделать сытыми всех голодных на земле»⁴. Таковы стремления главного героя. А вот индивидуалист Бесфамильный грезит о благе лишь для самого себя...

ПУТЬ НА ОШХАМАХО

Насколько сегодня изменились представления о личном благе и благе для всех! В сознании современного человека приоритет, без сомнения, отдается первому. С окончательным крушением иллюзий о грядущем всеобщем рае на планете, об идеальном человеке будущего. Бытие определяет сознание... «Когда война закончится, – говорит Незнакомый любимой, – все будут вместе, Илонка. Ты, я, Будапешт, Москва, Нью-Йорк, Париж!.. – Все любить? – Да, Илонка, все любить!»

Но этого не происходит. Всеобщее, как и личное, счастье остается для героя несбывшейся мечтой. Незнакомый навсегда расстается с возлюбленной: «И никого не защитила вдали обещанная встреча», – сказал поэт. За миг сказки и даже за разделенную любовь часто приходится расплачиваться – ведь окружающие редко признают неправдоподобные сочетания.

Что касается мечты о всеобщем братстве, единении, то она владеет еще одним персонажем Лохвицкого – революционером Ладо Кецохели из его романа «Выстрел в Метехи». По его мнению, «человек на земле должен быть подобен капле в море – каждый в отдельности прозрачен и чист, а все вместе – едины и слиты».

«Дело в том, что М. Лохвицкий рассматривает своих героев в такой системе координат, когда все настоящие люди едины и слиты, а предательство есть вещь чудовищная, почти невероятная».

Однако реальность, как обычно, вносит свои коррективы. Действительно, предательство – вещь чудовищная, а попытка спекулянта и мажора Бесфамильного реализовать чемодан с немецкими иглоками заслуживает осуждения, в соответствии с законами военного времени. Тем не менее спустя годы Незнакомый стал по-другому оценивать свой конфликт с этим человеком – не с прежней категоричностью. «Но почему мне всегда так больно, когда я вспоминаю слова, которые кричал матери (мать вернулась через долгое время к оставленным ею мужу и сыну, и герой не мог простить этого предательства. – И.Б.), и почему не могу забыть Бесфамильного?»

Постепенно к нему, получавшему многие истины готовыми и никогда не ставившему их под сомнение, приходит осознание того, что мир

отнодью не черно-белый, что в его цветовой гамме есть и полутона. «Казалось бы, ты вернулся к прошлому, но ты уже не тот, который был... Ты снова изумляешься себе... Лишь в одном – главном ты остаешься прежним – ненавидишь то, что ненавидел, и любишь то, что любил», – говорит Неизвестный. Но в том-то и дело, что для героя само противопоставление понятий «любовь» – «ненависть» теряет прежнюю остроту и определенность... Не потому, что у каждого человека своя правда, а объективной истины не существует. Просто сострадание, стремление понять другого порой важнее десяти правд...

Как говорил Митя Карамазов, «широк человек, слишком даже широк». Неизвестный, проявивший чрезмерную суровость по отношению к Бесфамильному в госпитале, заступает перед этим на речном теплоходе за матроса, уличенного в воровстве, – не дает совершиться самосуду над виновным, спасает его от верной гибели. А позднее спасенный закрывает Неизвестного от пули.

Важная мысль, к которой приходит герой: «И тогда для меня открылось, что никто из нас, если в нем есть человеческая суть, не пропадает бесследно, его жизнь продолжается в тех, с кем у него была связь любви и дружбы». Опять – мысль о необходимости единения...

И еще одно откровение: «Ни история, ни литература, ни школа, ни родители не могли дать мне того, что я получил, познавая страдания людей».

Видя страдания, сострадая, обретаешь иное внутреннее качество – эта идея близка философии любимого Лохвицким Толстого. Она постигается Неизвестным на протяжении всей войны, будет постигаться им всю жизнь. В финале к герою, идущему путаными, сложными путями судьбы, через внутренние противоречия, через потери и обретения, приходит наконец осознание самого себя. В нем выкристаллизовывается «я». «Я тоже должен пахать, – к такому выводу приходит Неизвестный, навестив Егора Кузьмича Русакова, потерявшего зрение на войне, однако продолжавшего «тягаться с жизнью», трудиться на земле вопреки страшному недугу. – Не знаю, где тот плуг, лемехом которого я проложу свою первую борозду. Но я проложу ее и вспашу

ПУТЬ НА ОШХАМАХО

поле». Неизвестному (пока все еще «слепому» духовно) неведомо, где его поле. Он знает лишь одно: нужно жить, вести свой корабль мимо рифов к мечте. Ее воплощает в сознании героя образ утраченной Илонки. Романтизм? А иначе для чего жить на свете? Ради чемодана иголок на миллион рублей, украденных Бесфамильным? А может, ради бескрылого, отупляющего труда? Мечта – вот главный стимул человеческой жизни.

Несомненно, в романе отражены мысли и чувства писателя, анализирующего собственный духовный опыт. Произведение создавалось в шестидесятые, в период «оттепели», когда дух вольности ворвался в литературу. Многие темы, закрытые прежде, стали предметом художественного осмысления – так, в романе о войне «Неизвестный» Лохвицкий пишет о пребывании «неблагонадежных» с немецкими фамилиями в полуэкипаже, об их встрече с особистами, о соседском мальчишке – сыне репрессированного партийного деятеля... Советские писатели, посвятившие свое творчество военной теме, стали изображать события Великой Отечественной с точки зрения обыкновенных солдат, рядовых бойцов. На страницах военной прозы **В. Некрасова, Гр. Бакланова, Ю. Бондарева** и др. появилась «неглянцевая» правда о войне. Отчетливо и ясно произнес ее в романе «Неизвестный» и Михаил Лохвицкий. При этом писатель отрицает автобиографичность своего произведения: «Единственное, что насторожило меня и продолжает беспокоить: и друзья мои, и Межиров, и Рунин почему-то отождествили героя романа с автором, перенесли в какой-то степени отношение к Неизвестному на отношение ко мне. Это неверно, и мне не хотелось бы, чтобы и другие читатели впали в такую ошибку. Хотя в романе есть кое-что автобиографическое, Неизвестный не автор, и я имею к нему такое же отношение, как и любой другой писатель к своим героям. Нас связывают родственные отношения – мы близки, как братья, как единомышленники и соратники, но мы не одно и то же».

Калуга — Обнинск

*Когда выкручивают руки,
это всегда против часовой стрелки
«Физики шутят»*

В 1963 году Михаил Лохвицкий вместе с семьей переезжает в Калугу. По словам писателя, в первую очередь, из-за творческой необходимости: где-то здесь, в средней полосе России, должны были поселиться герои его нового романа. Но были и другие причины: в Грузии у него никак не решались проблемы с жильем, а в Калуге писатель получил квартиру (правда, рядом с шумным предприятием).

До июля 1964-го писатель работал редактором в калужском филиале Приокского издательства. Вынашивал замысел нового романа «о сегодняшнем дне, о человеке умном, страстном, стремящемся излечить болезни и исправить недостатки в людях, в жизни, в самом большом мире, раздираемом противоречиями, о человеке, устремленном в будущее». Увы, этой интересной творческой задумке не суждено было воплотиться в реальность...

Став редактором Калужского книжного издательства, Михаил Лохвицкий сменил на этой должности **Романа Левиту**, человека прогрессивных взглядов, опубликовавшего знаменитые «Тарусские страницы». Несмотря на эти непростые обстоятельства, Лохвицкий и Левита крепко подружились, и их дружба продолжалась всю жизнь.

Несколько слов об этом литературно-художественном иллюстрированном сборнике – «Тарусские страницы», ставшем ценным памятником культуры эпохи «оттепели».

Таруса – небольшой городок на Оке, привлекавший многих замечательных художников и писателей. В годы создания альманаха самым высоким авторитетом среди литераторов, живших в Тарусе, пользовался **Константин Георгиевич Паустовский**. Он и был одним из

ПУТЬ НА ОШХАМАХО

инициаторов издания литературно-художественного сборника. Среди авторов «Тарусских страниц» – прозаики и поэты, чьи имена вошли в золотой фонд современной русской литературы, – Константин Паустовский, Марина Цветаева, Николай Заболоцкий, Юрий Казаков, Наум Коржавин, Булат Окуджава, Давид Самойлов, Борис Слуцкий, Юрий Трифонов и др.

«По мере того, как альманах проходил нормальные стадии становления, редактирования, набора, цензуры, сопротивление его выпуску в калужской писательской организации и в областном руководстве нарастало. Но машина была запущена, и остановить ее было трудно. «Тарусские страницы» вышли в свет... Вскоре последовал разгром альманаха в калужской областной газете с обычным навешиванием политических ярлыков... Издатели получили административные и партийные взыскания. Цензор уволен».

С нынешних позиций, да, пожалуй, и с позиций того времени, сборник не содержал ничего «крамольного». Однако выбор по таланту уже раздражал, ибо был противопоставлен субординационной системе оценок.

В Калуге в то время организовали областную писательскую организацию – о ней и говорится в вышеприведенной цитате. Была даже идея пригласить **Александра Солженицына**.

В те годы Михаил Лохвицкий сблизился с Паустовским. В одном из писем, датированных 13 апреля 1972 года, Константин Георгиевич так характеризует начинающего писателя: «...Вот Миша Лохвицкий, какой он светлый человек, он весь светится любовью и доброжелательностью. Когда он улыбается, жить легче и приятнее» («Доброта так и светилась на его лице», – вспоминает С. Надиров).

По воспоминаниям Юрия Михайловича, отца связывали с Паустовским дружеские отношения. Константину Георгиевичу Михаил Лохвицкий посвятил замечательный рассказ «Наедине с осенью» из серии «Портреты». Писатель несколькими штрихами рисует обаятельный образ старшего коллеги, запомнившийся ему по первому знакомству. Оно произошло в 1963 году в Тарусе. Завершают рассказ такие строки:

«Я подумал, что к скромности Паустовского, наверное, никогда не при-
выкнешь, что только таким должен быть подлинно большой художник
и что каждому художнику слова, каким бы крупным он ни был, очень
нужно, чтобы творение его находило отзвук в сердце читателя». Эти
слова – момент истины для Лохвицкого.

После реорганизации Калужского издательства писатель некоторое
время был главным редактором Приокского издательства...

Особым в жизни художника был обнинский период: из Калуги се-
мья переехала в город Обнинск. Лохвицкого назначили главным ре-
дактором газеты «Вперед» (сегодня – «Обнинск») – ее выпуск был возоб-
новлен 1 апреля 1965 года. Вскоре она станет центром кристаллизации
творческой интеллигенции.

Несколько слов об атмосфере, сложившейся в городе знаменитых
физиков-ядерщиков. Здесь на короткое время воцарился дух свобо-
домыслия. Михаил Лохвицкий общался с молодыми прогрессивно
мыслящими учеными – **Валерием Павлинчуком**, **Владимиром Тур-
чинным**, познакомился с директором Института медицинской радио-
логии **Георгием Зедгенидзе**, известным ученым, первым генетиком
Николаем Тимофеевым-Рессовским, который стал прототипом
главного героя в знаменитом романе **Даниила Гранина** «Зубр»...
Можно себе представить, в каком блистательном окружении оказался
Михаил Лохвицкий!

В тот период он особенно сблизился с Романом Левитой, содейство-
вал его переезду в Обнинск, подружился с **Геннадием Шеяновым**,
сотрудником Института медицинской радиологии, талантливым вра-
чом, работавшим над проблемами рака. Как редактору газеты, ему
пришлось общаться и со вторым секретарем горкома **Виктором Еме-
льяновичем Лесничим** – он также стал прототипом одного из персо-
нажей в гранинском «Зубре»... В дальнейшем этот человек сыграл ро-
ковую роль в разгроме «братства физиков», был инициатором травли
Юры Лохвицкого.

Вспоминает Ю. Лохвицкий: «Лесничий был выдвинут на должность
второго секретаря горкома из состава физиков. Постепенно привык к

ПУТЬ НА ОШХАМАХО

своей «значимости» и «непогрешимости». В период похорон Павлинчука (куда, кстати приехали и правозащитники **Андрей Сахаров** с **Еленой Боннэр**, **Лариса Богораз**) занял откровенно левую позицию и, чтобы обезопасить себя, требовал более жестких мер, чем все остальные. В том числе организовал мою травлю с исключением из комсомола. Донесла на меня учительница русского языка: показала в горкоме мое сочинение, представив его как антисоветское. После этого меня, работавшего лишней проходной балл, тем не менее, не приняли в институт. Восстановили через год: вступилась «Комсомольская правда». Парадокс, что через 15 лет после этого я работал в ЦК КП Грузии. С учительницей русского языка после доноса многие перестали здороваться, при встрече на улице переходили на другую сторону. Она жила в полном одиночестве и перед смертью попросила, через общего знакомого, – прощения. Конечно, давно простил...

А у Лесничего через шесть лет после описанных событий на грабеже попался сын. Во время процесса (виновному присудили 7 лет) к Лесничему подходили и говорили: «Это вам за сына Лохвицкого!»

Вот как освещает сегодня события давно минувших дней электронная версия городской газеты «Обнинск» «Вперед.ru» от 15 июля 2022 года. Автор публикации «Год коренного перелома» **А. Собачкин** пишет: «Особо невзлюбил Лохвицкого секретарь горкома **Станислав Николасевич Копылов**. Действовал изощренно: чтобы набрать побольше очков против газетного редактора, стал искать компромат на его сына Юрия, в тот момент десятиклассника школы №3. Это было не особенно трудно. Во-первых, вольнолюбивый Юра сам подавал поводы, а, во-вторых, жена партийного босса работала в той же школе. «Копылова стабильно мне ставила двойки за контрольные, – вспоминает Юрий Лохвицкий. – А ее сын пересказывал дома все наши «крамольные» беседы. И вот, наконец, Копыловой «сверкнула звезда». Учительница литературы принесла в учительскую стопку сочинений и вздохнула: «Опять Лохвицкий написал». На следующий день сочинение было в горкоме, а чуть позже – в калужском обкоме». Что же он там такого страшного написал? Одну фразу: «Чацкий пострадал за правду, которую никогда не

любили, не любят и теперь». За это парня исключили из комсомола! В то время это была «черная метка». [...] Главной же мишенью, понятно, был отец – Михаил Лохвицкий».

Держу в руках уникальную книжку – «Физики шутят», увидевшую свет в 1966 году. Ее составителями значатся сотрудники Физико-энергетического института в Обнинске **Ю. Конобеев, В. Павлинчук, Н. Работнов и В. Турчин**. Эта книга – сборник околонульного юмора – пронизана духом свободомыслия – имею в виду общий тон сборника. Его авторы, ученые-физики, будучи людьми интеллектуально, психологически раскрепощенными и независимыми в суждениях, стремились прежде всего донести до читателя свое отношение к окружающему миру – через легкую иронию, остроумное слово. И, конечно, за всем этим угадываются абсурдные реалии советской действительности, скрытые за вольными переводами статей зарубежных ученых...

В Обнинске организовывались клубы, вечера ученых, велись горячие дискуссии. На них обсуждались новые книги, фильмы, которые демонстрировались в Доме кино. В этой атмосфере вольнодумства выходила в свет и газета «Вперед», возглавляемая Михаилом Лохвицким...

Он стал редактором, когда газету вновь открыли после двухгодичного перерыва. Редакция располагалась в подвале жилого дома с магазином под неофициальным названием «На ступеньках». Однако работали в ней незаурядные, талантливые журналисты. А тон изданию задавал Михаил Лохвицкий, раздвинувший рамки провинциальной газеты. В ней печатались яркие критические материалы, обнажавшие существующие городские проблемы. Конечно, «излишняя» принципиальность редактора вызвала раздражение партийных органов. «Газета открыто смеется над всем уродливым, что отягощает общество, запускает рубрику «Головотяп идет по городу», поддерживает свободу мысли и свободу духа. Пройдет год, и на бюро горкома КПСС встанет вопрос об исключении из партии редактора газеты писателя Михаила Лохвицкого», – пишет журнал «Город» (№3, 1998 год).

Еще одна подробность. У физика Валерия Павлинчука нашли однажды запрещенную рукопись романа «Архипелаг Гулаг» Алексан-

ПУТЬ НА ОШХАМАХО

дра Солженицына – кто-то донес. Молодого ученого исключили из партии, освободили от занимаемой должности. А роман этот, как рассказывают очевидцы, перепечатывали на машинке в редакции газеты «Вперед». При этом редактор Михаил Лохвицкий делал вид, что ничего не замечает.

Однажды на первое апреля 1966 года вышел в свет номер, в котором были напечатаны только юмористические материалы. Михаилу Юрьевичу «нагорело» за такую вольность (аналогичную сборнику «Физики шутят»). И вот на следующий год, 1 апреля 1967 года, выпустили газету только с «партийными» публикациями, но с говорящей «шапкой»: «Поздравляем с Первым апреля! Если у вас нет чувства юмора, то должно быть чувство, что у вас нет чувства юмора!»

(Вообще Михаил Лохвицкий любил пошутить, а иногда и сам становился объектом розыгрыша. Ю. Лохвицкий вспоминает: «Отец, уже будучи исключенным из партии, получил письмо от американского издателя, который предлагал ему опубликовать в США роман «Неизвестный» с предисловием **Светланы Аллилуевой**. Папа решил, что семье угрожает опасность, стал уже всерьез подумывать о том, куда спрятать детей... А вечером нагрянула большая компания шутников-друзей, сочинивших «письмо», и успокоила встревоженного Мишу Лохвицкого: «Все в порядке. Жизнь продолжается!»).

Николай Работнов, доктор физико-математических наук, профессор, заслуженный деятель науки России, заместитель директора Государственного научного центра РФ «Физико-энергетический институт имени академика А. Н. Лейпунского», вспоминает: «В октябре 1966 года я убыл на шесть месяцев в Данию, на стажировку в Институт имени Нильса Бора. По возвращении, с подачи тогдашнего редактора нашей городской газеты «Вперед», незабвенного Михаила Юрьевича Лохвицкого, написал длинную, на много номеров, статью о скандинавских впечатлениях. При всей безобидности этих заметок Дания (страна НАТО!) не представляла в них станом поджигателей войны и адом капиталистической эксплуатации. Меланхолический юмор был, а обличительного пафоса не было. Реакция последовала незамедлительно, и

из довольно высоких сфер (даже журнал «Коммунист» посвятил абзац этому крупному идеологическому упущению)» (Н. Работнов. Давно... в шестидесятые. Индекс/ Досье на цензуру, №2, 1997).

На страницах газеты «Обнинск» в материале **Н. Северской** «Соответствовать заданной планке» журналист **Виктор Цимринг**, работавший в 1960-е годы под началом Михаила Лохвицкого, рассказывает: «Это был состоявшийся человек, прошедший войну, настоящий журналист, писатель, профессионал. В течение нескольких минут мог расположить собеседника настолько, что человеку казалось – он его знает много лет. Михаил Юрьевич не «давил» на сотрудников, редакция работала в довольно свободном режиме. Предполагалось – каждый знает, что он должен делать. В то же время редакционный механизм был отлажен настолько хорошо, что не было необходимости «дергать» редактора по мелочам. Поступавшие в редакцию материалы Лохвицкий очень быстро прочитывал, вносил необходимые правки, давал рекомендации. Он не был сторонником проведения длительных заседаний, редакционные планерки всегда носили очень конкретный характер. Возникавшие проблемы, в том числе и технического характера, решал быстро, по-деловому, без долгих нотаций. Запомнился такой случай. В газете проскочила «оЧЕ-пятка»: в заголовке информационного сообщения «Шкала температур» наборщица допустила ошибку, получилось «Школа температур». Шрифт был очень узкий, при чтении макета никто опечатку не заметил, газета так и пошла в печать. Михаил Юрьевич, просматривая только что отпечатанный номер, тут же ее обнаружил. Моментально нашел выход – велел всем сотрудникам редакции вооружиться ручками с черными чернилами, и мы вручную, с ним во главе, исправляли ошибку во всем тираже (а это – пять тысяч экземпляров).

Очень интересными были первоапрельские выпуски газеты, они готовились основательно, каждый из сотрудников стремился проявить свои способности. Один из выпусков был настолько удачным, что даже московская партийная номенклатура охотилась за ним. Никто тогда не решился всерьез упрекнуть партийную газету в бездумном смехачестве

ПУТЬ НА ОШХАМАХО

– все было сделано на очень хорошем уровне.

К моменту приезда в Обнинск Михаил Юрьевич уже был членом Союза писателей СССР. И продолжал заниматься писательским трудом – мы знали, что он много и кропотливо работает над исторической повестью, над исследованиями о судьбе черкесского народа. Но это ничуть не отражалось на его отношении к сложной редакторской работе, к жизни коллектива газеты. В целом же могу сказать одно: за свою уже достаточно долгую жизнь редко довелось мне встречать людей, подобных Лохвицкому.

Как известно, он был уволен с должности редактора за участие в похоронах Валерия Павлинчука... Но судя по всему, это был скорее повод, чем причина. Людей, не желавших «стоять во фрунт» перед начальством, в ту пору особенно не любили. Лохвицкий не был из тех людей, кто втягивает голову в шею, лишь кто-то из сильных мира сего «приоткроет веко». И когда Павлинчук умер, Михаил Юрьевич, как человек порядочный, посчитал необходимым отдать ему последнюю дань уважения – пошел на похороны, хотя прекрасно понимал, чем ему это может грозить. Тогда модно было слыть (именно слыть, а не быть) диссидентом. Лохвицкий не был диссидентом, это было не в его характере: воевал в морской пехоте, работал в партийной печати, писал о старых большевиках... Но в сложной для него ситуации Михаил Юрьевич не шапнул в сторону, не «прикинулся шлангом», как это делали в подобных случаях многие другие, а пошел до конца».

Чашу терпения власть предержащих переполнили события, последовавшие за вводом в Чехословакию 21 августа 1968 года советских танков. В городе поднялась волна протеста, началась «охота на ведьм» – «неблагонадежные» преследовались. Атмосфера в Обнинске накалилась. Одним из тех, кто осудил ввод в Чехословакию советских танков, был Валерий Павлинчук. До увольнения из Института экспериментальной метеорологии он приносил туда нелегальную литературу – «Три встречи со Сталиным», «Российский путь перехода к социализму и его результаты». Еще накануне ввода танков в Чехословакию Павлинчук оказался в числе пяти смельчаков, выступивших с гневным письмом:

в нем содержалось предостережение в связи с возможным развитием событий в этой стране. Подвергшийся преследованиям, объявленный антисоветчиком, физик попал в больницу с тяжелой формой пиелонефрита и вскоре скончался.

...А похороны диссидента превратились в политическую демонстрацию. Среди тех, кто пришел проводить Валерия Павлинчука в последний путь, был и Михаил Лохвицкий. Сам факт его присутствия на похоронах, да еще с красными гвоздиками, расценили как протестную акцию, вызов. Были сделаны «оргвыводы»: писателя исключили из партии. Правда, вначале Лохвицкого хотели просто «повоспитывать», обвинив редактора газеты «Вперед» в пособничестве вражеской пропаганде и лишь пригрозив исключением из партии. Но Лохвицкий возмутился такой постановкой вопроса: «У меня фашисты не смогли отнять партбилет, и вам я не позволю!» Но с партбилетом пришлось расстаться... За этим последовал и уход Михаила Юрьевича с работы.

Так писатель ответил за свой поступок настоящего мужчины и порядочного человека. Для сравнения вспомним коллективную травлю неугодных властям деятелей культуры, когда решения об их судьбе принимались «единогласно». И отдадим должное мужеству человека, рискнувшего поступить единственно возможным для себя образом. Принципиальность Михаил Лохвицкий проявлял всю свою жизнь, ни разу не погрешив против совести. Этому же он учил своих детей. По словам Ю. Лохвицкого, отец никогда, даже в период серьезных неприятностей, не призывал близких быть осторожными. Для своих родных, друзей, коллег он всегда оставался незыблемым авторитетом, воплощением совестливости и благородства.

«Папа был для меня богом, – говорит Юрий Михайлович. – Если в жизни я старался не совершать плохих поступков, то более всего потому, что боялся после этого посмотреть ему в глаза. В молодости человек, как правило, способен на всякие сумасбродства и глупости. Отец никогда не читал мне нотации, но по его глазам я все понимал. А иногда он рассказывал историю из жизни, как будто не имевшую отношения ко мне, но с глубоким подтекстом (вспомним урок, получен-

ПУТЬ НА ОШХАМАХО

ный Михаилом Лохвицким от деда. – И.Б.). По окончании факультета журналистики Тбилисского педагогического института передо мной стоял выбор: или стать педагогом сельской школы, что освобождало от армии, или служить по призыву в 8-м полку МВД в Тбилиси. «Ты решил идти в армию? – спросил меня папа. – А ты знаешь, что этот полк предназначен для подавления в случае необходимости массовых выступлений?» И я стал педагогом сельской школы – в течение четырех с половиной лет преподавал в горах русский язык и литературу. На выбор мною профессии также повлияли отец и та атмосфера, в которой мы росли. В нашем доме бывали Константин Паустовский, Белла Ахмадулина, Евгений Евтушенко, Юрий Нагибин, Юрий Давыдов и другие знаменитости».

Повлиял пример отца и на дочь Нюту: «Он никогда не пользовался своим авторитетом для получения каких-то привилегий, льгот, даже в интересах семьи, для улучшения нашего быта, хотя бы решения квартирного вопроса. Для папы это было совершенно неприемлемо».

Не был Михаил Юрьевич и честолюбивым: «Во мне живет совершенно неистребимое противодействие всякому должностному повышению», – говорил он.

Оказавшись без работы, без каких-либо надежд на будущее в Обнинске, Лохвицкий возвращается в Тбилиси. Впрочем, атмосфера, сложившаяся вокруг писателя, не оставляла выбора...

Возвращение

Хвала тебе, седой Кавказ...

Александр Пушкин

После драматических обнинских событий Грузия залечила душевные раны писателя. Руку помощи брату, фактически оставшемуся без средств к существованию, протянул Союз писателей Грузии. Именно эта организация помогла Лох-

вицкому вернуться в Тбилиси. Грузинские писатели, все без исключения, потребовали восстановления Лохвицкого в партии. Прошло время, и тогдашний лидер республики **Василий Мжаванадзе** дает свое согласие после обсуждения вопроса на партсобрании писательской организации.

«Миша, – сказали ему товарищи по творческому цеху, – если бы ты не пошел на похороны человека, которого уважаешь, то мы бы тебе руки не подали». Так завершилась эта грустная эпопея...

А пока она продолжалась, пока решался вопрос с восстановлением писателя в партии, опальная семья Лохвицких постоянно ощущала поддержку окружающих. «На протяжении года в нашей квартире раздавались звонки, стуки в дверь, и у порога кто-то оставлял то мешок лобии или картошки, то бутыль кахетинского вина», – рассказывают близкие писателя.

В Тбилиси у Михаила Лохвицкого завязались новые отношения. Особенно подружился он с известным писателем **Гурамом Гегешидзе**. Сблизило их участие в работе творческого объединения кинодраматургов, созданного при киностудии «Грузия-фильм» и позднее преобразованного в Высшие сценарные курсы. Кинодраматургия не увлекла Гурама Гегешидзе и Михаила Лохвицкого. Но именно в те годы писатели стали друзьями.

«Это был высокоблагородный человек, – вспоминает Гурам Гегешидзе. – Для него много значили такие ценности, как дружба, любовь, семья. Про Мишу можно сказать – «джентльмен», что проявлялось в каждом его слове, каждом поступке. К тому же он был настоящим кавказцем – по своему нравственному кодексу, отношению к жизни. Грузию Миша считал оазисом свободы в Советском Союзе – ведь здесь никогда не было такой жесткой цензуры, как в России. Лохвицкому было свойственно аполлоническое отношение к жизни, то есть он воспринимал ее светлые, а не темные стороны».

Так же высоко ценил своего друга Михаил Лохвицкий. Писатель всегда прислушивался к мнению Гурама Гегешидзе и доверил ему чтение рукописи первого варианта исторической повести «Громовый

ПУТЬ НА ОШХАМАХО

гул». Друзья часто и подолгу обсуждали кавказскую тему, углубились в изучение прошлого Кавказа, истории его завоевания самодержавной Россией. В период, когда создавалось произведение, много писали об убыхах – исчезнувшем северокавказском народе, махаджирстве – насильственном и вынужденном переселении коренного населения Кавказа в пределы Османской (Турецкой) империи. Михаил Лохвицкий, к тому времени автор двух исторических романов – «С солнцем в крови» и «Выстрел в Метехи» из серии «Пламенные революционеры», издаваемой в Москве, изучал архивы, мемуарную литературу, связанную с эпохой конца XIX - начала XX века.

«Серия «Пламенные революционеры» была придумана несколькими мудрыми людьми «Политиздата». Не случайно ее первые авторы – Трифонов, Эйдельман, Кардин, Давыдов, Окуджава, Аксенов, отец... Была найдена идеальная возможность через призму истории говорить о современности. Так, в романе «С солнцем в крови» отец придумал образ полицейского Луничя, в уста которого вкладывались интересные, актуальные мысли. Собственно, на основе диалогов революционера Алеши Джапаридзе и Луничя и построена книга», – рассказывает Юрий Лохвицкий.

«В своих романах, посвященных революционерам, Миша не покривил душой. Историческая эпоха изображена им достоверно, писатель не склонен приукрашивать реальность в духе социалистического реализма, – считает Г. Гегешидзе. – Он был искренним, честным человеком – это было самым главным его качеством».

Свое увлечение историей М. Лохвицкий объяснял так: «Во мне всегда жила потребность разобраться в дне сегодняшнем, подумать о том, что будет завтра. Это невозможно без глубокого знания прошлого». Об этом же писатель говорит и в газетной публикации, посвященной другу и коллеге, автору исторических произведений **Юрию Давыдову**. «В интервью журналу «Литературное обозрение» он (Ю. Давыдов. – И.Б.) писал: «Любовь к истории, заметил один ученый, есть любовь к жизни. В противном случае это – любование старинным антиквариатом. Есть люди, путающие понятия. Они, случается, цедят пренебрежительно:

уходите, дескать, в историю. Так и хочется взять таких за лацканы пиджака: послушайте, в историю не уходят. В историю приходят. Приходят, чтобы поразмыслить. В этом все дело».

Работая над романами серии «Пламенные революционеры», Михаил Лохвицкий много размышлял, с увлечением погружался в события давно минувших дней, открывал «неизведанные земли», «сличал, сопоставлял, сравнивал факты». В своих произведениях, посвященных **Алеше Джапаридзе** и **Ладо Кецохели**, он затрагивал темы, которых нельзя было касаться в прямом контексте. В повести о Прокофии (Алеше) Джапаридзе писатель говорит о раскладе политических сил, брожении умов в Грузии конца XIX века, об отношении общественности к национальному вопросу, положении и мировоззрении грузинского дворянства, о возвращении Грузии в результате русско-турецкой войны ее исконных земель, о борьбе скороспелых миллионеров за нефтяные участки бакинской промышленности, об армяно-азербайджанской кровавой резне в Баку, о столкновении в регионе интересов разных стран, стремящихся к господству над Каспием, – Англии, Франции, Турции...

Страницы, посвященные событиям прошлого, читаются с особым, захватывающим интересом, возникают параллели с днем сегодняшним. Ведь и сегодня Кавказ, если так можно выразиться, кровоточит, является объектом столкновения различных стратегических интересов. «С солнцем в крови» – урок истории живой, – считает **И. Лежава**. – Композиционно повесть напоминает мозаику: вот отмечают в 1880 году в селе Шардомети рождение сына Апраксиона Джапаридзе Прокофия, и тут же мы попадаем в Баку начала века, кипят страсти в революционном Петрограде июля 1917 года, и опять Баку времен русско-японской войны... Готовятся к вооруженному восстанию рабочие, вспыхивает... армяно-азербайджанская резня, умирает под градом пуль губернатор Накашидзе, прячется за вагонными окнами бывший великий князь, его императорское величество Николай Николаевич, – разрозненные части мозаики складываются в объемный портрет... География повести широка... Он (М. Лохвицкий. – И. Б.) точен во всем, художник и

ПУТЬ НА ОШХАМАХО

историк одновременно, точен в описании природы, архитектуры, нравов людей. В фундаменте стройного здания лежит огромная работа в архивах, библиотеках, музеях, расположенных во всех концах нашей страны. Писателю удалось получить некоторые новые сведения, до той поры не известные историкам, например, куда девался прибывший из Астрахани за бакинскими комиссарами пароход «Севан» или в каком доме жил Алеша Джапаридзе в Великом Устюге. Созданные Лохвицким жанровые картинки надолго остаются в памяти.

С восхищением пишет о мастерстве прозаика – автора повести «Выстрел в Метехи» Л. Дерюгина: «Удивительная страна раскрывается для нас на страницах книги М. Лохвицкого. Кавказ, Баку, Грузия. Грузия – древняя и вечная, родная нам Грузия, давно освоенная русской литературой и снова – в который раз! – завораживающая читателя. Все здесь удивительно, все необычно. А ведет нас по Грузии, по ее времени и пространству, человек, который знает эту страну, любит ее, связан с нею крепчайшими узами».

В исторической повести о «пламенных революционерах» писатель остается верен себе, своему романтическому отношению к жизни. «Михаил Лохвицкий по-прежнему, как юноша, взволнован половодьем человеческих чувств, безграничными возможностями благородства и добра, взаимного участия». Сегодня, с изменением политических реалий, романы серии «Пламенные революционеры» стали как бы неактуальны. Именно «как бы»... Читатель не может не отдать должное мастерству писателя, его исторической осведомленности и прозорливости.

Как складывалась дальнейшая судьба писателя в Грузии? Разочаровавшись в ремесле сценариста, Михаил Лохвицкий становится редактором, заведующим русским отделом издательства «Мерани». А потом – ответственным редактором и составителем популярного литературного альманаха «Дом под чинарами». Рождались новые произведения.

Занимался он и переводами. По воспоминаниям Гурама Гегешидзе, и этому делу Лохвицкий отдавался со всей страстностью своей натуры. Работал увлеченно, быстро, звонил несколько раз в день, чтобы уточнить у автора то или иное слово, выражение. Он перевел на русский

язык произведения многих известных грузинских писателей... Михаила Юрьевича связывали с ними особые отношения. Лохвицкому была близка грузинская культура, литература, он остро чувствовал язык, душу народа, ставшего для него родным. На видеопленке сохранились воспоминания Михаила Юрьевича о встречах, общении с писателями Демной Шенгелая, Константином Гамсахурдиа, Галактионом Табидзе, Симоном Чиковани.

«**Демна Шенгелая** был очень веселым, интересным человеком. Он часто спрашивал меня, над чем я работаю. Однажды я сказал ему: «Да вот написал один рассказ и больше ничего не делаю, ленюсь». «Это ничего, – успокоил меня Демна Шенгелая. – Приди сегодня вечером домой и запиши все интересное, что видел и слышал. Делай это ежедневно. И через несколько дней родится новый рассказ. Вот как надо работать!»

Как-то меня остановил на улице **Константин Гамсахурдиа** и спросил: «Правда, что ты черкес?» – «Правда». «Это очень хорошо!» – удовлетворенно сказал писатель. «Почему?» – «Потому что мы, грузины и черкесы, всегда были братьями». Думаю, мой интерес к историческому жанру обусловлен во многом творчеством Константина Гамсахурдиа, его влиянием.

Галактион Табидзе одобрил мою первую книгу. Я часто встречался с ним. Однажды был такой случай. Возвращаясь из Союза писателей, я встретил по дороге задумчивого поэта. «Куда ты идешь?» – поинтересовался он и завел меня в сад, расположенный рядом с Союзом писателей. Сел на скамейку и предложил составить ему компанию. Минут сорок мы сидели в полном молчании. По истечении времени Табидзе встал и тепло поблагодарил меня...

Я часто вспоминаю этот случай. Наверное, в тот момент ему очень хотелось, чтобы рядом с ним был живой человек. И тут поэт встретил меня. Видимо, я ему в чем-то помог. Но вот в чем, я не знаю...

Симон Чиковани. Симпатичный, интеллигентный человек. Мы с ним гуляли по Тбилиси, часами разговаривали на самые разные темы. Его интересовало абсолютно все! Когда я уехал в Россию, он писал мне,

ПУТЬ НА ОШХАМАХО

уже потеряв зрение, письма. И стыдил, если я ему вовремя не отвечал».

Все, кого судьба сталкивала с Михаилом Лохвицким, ощущали его невероятное, огромное человеческое обаяние. Многим он помог, поддержал в трудную минуту. Оказывался рядом в самых сложных обстоятельствах. И эти люди навсегда сохранили в душе любовь и благодарность к красивому человеку с широкой душой – Михаилу Юрьевичу Лохвицкому. Вот как вспоминает о первой встрече с писателем и его женой Наташей журналистка Ирина Шелия – автор воспоминаний о Лохвицком, опубликованных в журнале «Русский клуб»: «...Вечер остался в сердце навсегда. У добрых чувств есть только начало. Они никогда не становятся бывшими когда-то – нет у них прошедшего времени. Сколько раз потом я приходила в этот дом, спеша поделиться радостью своей или болью, и всегда встречала здесь поддержку и улыбку, словно от всех сразу, большую и теплую улыбку всех обитателей этого очага вместе взятых. Мало от кого из своих близких я видела столько тепла, понимания и родственного участия, как в этом чудесном доме. В чем был секрет искренней, несуетной доброжелательности этого милого, душевно добротного мира Лохвицких? Как жаль, что на разгадку такого простого, как оказалось, вопроса понадобилась почти целая жизнь. И как больно, что не успела поделиться с хозяевами этого дома своими размышлениями и догадками. Не додумалась, глядя в добрые умные, прозрачные до самой глубокой голубизны глаза Михаила Юрьевича, сияющие особой, мужественной нежностью на его впечатляюще рельефном, словно высеченном искусным скульптором лице, сказать вовремя простые, такие нужные для каждого художника слова: «Я поняла, почему так светло и радостно в вашем доме, почему так комфортно находиться рядом с вами. Это тепло вашего таланта человека и писателя. И таланта бережно охранявшей любимого человека, по жизни мудрой и женственной вашей супруги Наташеньки». Не правда ли, счастье ощущать внутри себя это тепло? Не выбалтывать, не выплескивать. Хранить в себе, как драгоценную тайну и не измеримое никакими знаками богатство. Безмолвно согревать всех, кто рядом...».

А вот еще две памятные встречи: «...В тот год в Москве долго стояла

лютая зима, она не давала утомониться бившему меня ознобу. Для затянувшегося раздрыга чувств существовало лишь одно эффективное противоядие – билет стоимостью тридцать семь рублей. Аэропорт Внуково. Два часа лета до Тбилиси. И ты уже на верном пути к выздоровлению. Вечером у Лохвицких никто и виду не подал, что заметил мое странное, смятенное состояние. Они не знали, как меня лучше обогреть, накормить, обласкать. Позже, уже прощаясь в тесной прихожей, я вдруг ощутила на своих плечах прикосновение чего-то пушистого и очень теплого. Норковая шубка. Легкая, изящная, шоколадного цвета, с отделкой из афганской каракульчи – неизменный синоним красоты и роскоши. Чудом сохранившееся в доме великолепие. Одна шуба на всю женскую половину семьи. Для поочередных «выходов в свет». Сияя глазами, словно именно ей только что преподнесли столь драгоценный и щедрый сюрприз, Наташа обняла меня и ласково прошептала: «Никаких «нет»! Ты должна вернуться в Москву красивой королевой. И все будет хорошо, вот увидишь!» Все хорошо... Мне и сейчас хорошо на душе, когда я вспоминаю тот вечер у Лохвицких. Радостная легкость, с которой эта любящая пара всегда проявляла готовность подставить друзьям и близким свое надежное плечо, была ни чем иным, как глубинной духовной потребностью быть верными чувству нравственного долга и человеческого достоинства. Когда исполнение этого самого долга, ими воспринятое как осознанная необходимость, не требует тягостного усилия над собой при соблюдении зазубренных правил, а является выражением самого что ни на есть органичного, возвышенного состояния души. Подобное душевное состояние даровано богом каждому человеку в день его появления на свет, но мало кому удается сохранить его и пронести через всю жизнь [...]

[...] Я в больнице с тяжело захворавшей новорожденной дочкой. Мне каждый вечер говорили, что моя Катенька, возможно, не доживет до утра. Что ни день, в нашей палате мелькают лица Лохвицких. Старших и младших. Но самое тягостное время суток – сумерки, сулящие надвигание бесконечно напряженной, тревожной ночи. В эти часы почти каждый день, без кого-либо рядом, появлялся Миша. С кон-

ПУТЬ НА ОШХАМАХО

феткой-шоколадкой. С новой книжкой. С какой-нибудь диковинной фруктиной. Улыбался, спокойно говорил о чем-то совсем не грустном. Однажды, когда было совсем плохо и приходилось вызывать разных именитых профессоров и покупать дорогие лекарства, он пришел выглядевший чрезмерно смущенным. Долго молчал, а потом неловким движением рук стал что-то запихивать мне в карман. Деньги. Пятьсот рублей, по тем временам сумма более чем чувствительная. Да еще и для Лохвицких-старших, в практическом смысле совершенно небрежливых. «Шальной гонорар, которого никто дома не ждет», – разом оборвал он мои протестующие возгласы. И совсем уже твердым голосом добавил, что я не имею никакого морального права лишать его возможности принять участие в спасении жизни внучатой племянницы. Не в бумажках, естественно, было дело. Я смотрела вслед уходящему по песчаной дорожке человеку и страх за здоровье и жизнь дочки, леденивший душу, куда-то улетучивался, уступая место вере и надежде. И никогда мне не стереть из памяти сердца трогательную теплоту, доброту и нежность этого мужественного человека, который умел быть рядом в самые трудные минуты...».

С нежностью вспоминает Михаила Лохвицкого поэт **Олеся Николаева**. На просьбу рассказать о писателе откликнулась мгновенно:

«С Михаилом Юрьевичем Лохвицким (дядей Мишей) я познакомилась летом в Коктебеле, куда приехала с родителями после выпускных школьных экзаменов. Мне только-только исполнилось семнадцать лет, но я уже всю писала стихи, особенно любила это делать по ночам, и страстно мечтала стать настоящим поэтом.

У моих родителей на веранде каждый вечер собирались поэты и писатели, также жившие в доме творчества, и среди них – Михаил Юрьевич Лохвицкий с женой Натальей Павловной (урожденной Андрониковой, тетей Наташей). Рассаживались вокруг чайников с крымским вином, которое продавали в розлив, и кастрюлей с вареными мидиями, которые я ловила вместе со своей подругой Настей Ефремовой, и вели беседы, читали по кругу стихи. Ну, и я не упускала свою очередь, хотя и стеснялась до слез. Устраивали и поэтические конкурсы, причем

кто-то задавал тему для стихотворения: помню, я писала про винодела.

О, мой прекрасный винодел!
Ты для кого вино готовишь?
Мы веселимся оттого лишь,
Что ты так весел и умел!
Да, волшебство твоей руки
Дарует нам размах движений
И неожиданность решений
И распрягает языки...
И т.д.

Я со своим «Виноделом» даже выиграла какой-то приз, а Лохвицкие предложили моим родителям отправить меня к ним в Тбилиси:

– Каждый русский поэт должен побывать в Грузии! К тому же я тебя познакомлю там с работниками издательства «Мерани», и, может быть, они тебе дадут попробовать перевести грузинских поэтов, – сказал дядя Миша...

– Остановишься у нас. У нас есть дети, чуть постарше тебя – дочка Нюта и сын Юрка, – добавила тетя Наташа. – Так что скучно не будет. Юрка недавно женился, и мы очень переживали, что так рано, но девочка уж больно хорошая!

И тетя Наташа улыбнулась, едва ли не со слезами нежности, которые блеснули у нее в глазах при одном лишь упоминании о своих домашних.

Ну что? Родители меня отпустили, и вскоре я оказалась в этом чудесном доме, где меня поселили в кабинете Михаила Юрьевича, которого я не то чтобы побаивалась, но как-то невероятно благоговела перед ним. Вот если можно представить себе идеального человека, то достаточно взглянуть на него: Творец постарался над лепкой его лица, такого выразительного, словно художественно и любовно сотворенного из целокупного материала. Высокий лоб, с благородной горбинкой нос, волевой подбородок, длинная шея и, при всех этих

ПУТЬ НА ОШХАМАХО

мужественных чертах, удивительно светлые и прозрачные голубые глаза, которыми на вас смотрит любовь и мудрость. В присутствии такого красивого, даже прекрасного человека, самому стыдно быть мелким, бездарным и глуповатым.

Позже я узнала, что такой навсегда запоминающейся внешностью, словно высеченной из прекрасного камня и смягченной добрым и светлым взором, Михаил Юрьевич обязан удивительному смешению кровей: скрещению судеб своего отца, принадлежавшего черкесскому роду Аджук-Гирея, и матери-немки, которая не позволила о себе забыть даже в третьем поколении своего потомства: внуки Лохвицких получились золотоволосыми и светлоглазыми.

Со взрослыми детьми Михаила Юрьевича мы подружились с порога: с дочкой Нютой, сыном Юркой и его женой Маринкой, которая уже донашивала в животе ребеночка.

С этого началась у меня новая жизнь, полная необыкновенных приключений, счастья и вдохновения, и жизнь эта была связана с Грузией, о чем я написала целую книгу «Грузинская рапсодия».

Помню, как дядя Миша привел меня в издательство «Мерани», где тогда работал заведующим отделом литературы, как познакомил с редакторшей отдела поэзии, уже немолодой, но опытной. Кажется, ее звали Майя, она дала мне на пробу несколько подстрочников, и, пока они разговаривали с Михаилом Юрьевичем, я успела почувствовать какую-то особую будоражащую волну. Я вдруг поняла, что эта Майя до смерти влюблена в моего «дядю Мишу».

Наверное, это было не так уж удивительно, потому что его появление и в издательстве, и в журнале, и в Комитете по переводам, куда он меня водил, везде сопровождалось общим повышением тонуса, восторгом, уважительными взглядами мужчин и влюбленными – женщин.

Там же, в Тбилиси, в квартирке Лохвицких, я засела за переводы и, окрыленная ночным вдохновением, завершила их к утру. Майя одобрила их, впрочем, весьма сдержанно, и с этих пор я стала постоянным переводчиком грузинской поэзии: мне заказывали подборки для сборников, а потом и целые книги, и некоторые весьма даже маститые

поэты стали со временем как-то заискивающе со мной разговаривать и просить перевести их стихи.

К подстрочникам грузинских поэтов всегда прилагалась транскрипция, которой я старалась следовать при переводе, но, читая оригинал и стараясь выговорить грузинские слова, я восхищалась их фонетикой. Под впечатлением от этих звуков я написала тогда стихотворение «Грузинский язык», которое настолько понравилось Михаилу Юрьевичу, что он взялся самолично добиться его публикации то ли в «Литературной Грузии», то ли в альманахе «Дом под чинарами», который тогда выходил в Тбилиси.

Впрочем, стихов об этой прекрасной стране у меня накопилось много. Я писала об особом составе воздуха, смешивающего краски, запахи и звуки, об озере Лиси, куда мы ездили всей счастливой компанией – Михаил Юрьевич в неизменной сванской шапочке, вечно светящаяся от любви к нему тетя Наташа, остроумный Юрка и ласковая Марина, а также множество их разновозрастных друзей. Писала я и об удивительном старике – грузинском шарманщике, к которому меня водил дядя Миша... И ведь это о нас:

...Душа, словно ветка, качалась.
Мы вышли в сияющий сад,
И песня уже не кончалась,
И воздух был юн и крылат.
Шмели над цветами хмелили,
И тек по земле аромат,
И вдруг виноградные трели
Вторгались шарманщику в лад...

А вскоре мне не без рекомендации и помощи Михаила Юрьевича предложили в издательстве «Мерани» издать свою книгу стихов и переводов. Она вышла в самый последний момент, после которого ее появление в свет в Грузии было бы уже невозможно: в 1990 году. И назвалась она «Смоковница», ведь мы столько раз сживали с гру-

ПУТЬ НА ОШХАМАХО

зинскими друзьями под разными смоковницами... Всем этим я обязана своему доброму грузинскому ангелу – дяде Мише, и никогда об этом не забываю.

Но, может быть, даже более ценным была для меня его дружба. Его беседы, чаще всего – по ночам на его кухне, когда я вновь и вновь приезжала в Тбилиси, уже и не одна, а то с мужем, то с детьми, то с подругой. И даже если я останавливалась в гостинице, чтобы не мешать его работе, все равно у меня было такое ощущение, что я в любой момент, днем и ночью, могу приехать к Михаилу Юрьевичу, и он сядет со мной на кухне, заварит кофе, раскурит трубку и будет слушать меня и говорить со мной столько, сколько душе моей угодно. Бывало, я и приезжала к Лохвицким среди ночи в полной и непоколебимой уверенности, что мне там будут рады...

Удивительны советы, которые он давал мне в конфликтных ситуациях, о которых я ему рассказывала. Но, во-первых, перед лицом такого человека все эти страсти сразу умирались внутри, а во-вторых, если я предполагала сделать какой-то ложный шаг, дядя Миша усмехался, посасывая трубку, и говорил очень мягко и спокойно: «Знаешь, Олеська, не стОит...» И сразу было понятно, что так поступать, как я хотела, ни в коем случае не надо.

Но особенно мне дороги были его собственные рассказы о жизни и трагедии его рода, о своей жизни, о людях, о писательстве. О том, как его дед, еще мальчиком, потерял родителей после вооруженной стычки русских войск с черкесами, и его взял на воспитание русский офицер по фамилии Лохвицкий, который и подарил ему свою фамилию. О том, как он вынужден был с семьей перебраться в Россию из-за нерешенности квартирного вопроса, поселиться сначала в Калуге, потом в Обнинске. Как Михаила Юрьевича выгнали из партии за то, что он пошел на похороны своего друга с диссидентской репутацией. Как они бедствовали, как продали единственно ценную вещь – машину и как «ели» ее несколько лет.

– Последними съели колеса, – смеялась тетя Наташа, с обожанием поглядывая на дядю Мишу.

А Лохвицкий рассказывал, как тосковала она по Грузии и порой ходила на местный обнинский рынок, чтобы хотя бы поглядеть и перекинуться парой слов с грузинами, которые приезжали торговать травками, помидорами и мандаринами и стояли в своих кепках-аэродромах. Но когда она с ними заговаривала, выяснялось, что никакие это не грузины, а азербайджанцы...

Многие их истории уже подзабылись в своих деталях, но остался этот аромат и колорит, которые есть и в книгах Михаила Лохвицкого. Помню, как, ночуя у него в кабинете, я перед сном читала его повести «Неизвестный» и «Выстрел в Метехи». И засыпала, счастливая и наполненная внятным ощущением подлинности жизни.

Мы много с ним просто гуляли по Тбилиси, по пути неизменно пили воды Лагидзе, съедали по хачапури, и меня поражало, как много народа, пока мы проходили по проспекту Руставели, радостно приветствовали его, а то и останавливались поговорить, звали в гости... Мы и ходили с ним к его друзьям, которые постепенно становились и моими. Мы ездили с дядей Мишей и в Кортанети под Боржоми – в дом, куда на какое-то время переселились Юра с Мариной и маленькой дочкой Джанкой и куда я привезла почти сразу после свадьбы своего мужа.

Там мы все вместе встречали Пасху у местного силача Джамбула, сидели под смоковницей (!), произносили длинные витиеватые тосты, пили вино за здоровье всех домочадцев и друзей, пели песни, слушали птиц, глядели на бушующую Куру, протекавшую прямо под домом, следили, как загораются и гаснут звезды... И тогда казалось, что жизнь, даже если она прямо сейчас оборвется, уже состоялась, уже исполнилась, потому что ничего-то больше ей и не надо!

А потом дядя Миша умер, и я даже не смогла полететь на его похороны, потому что сидела с маленькими детьми. Но в тяжелые и трагические для Грузии времена Юра с семьей перебрался в Москву и там, на его съемной квартире, на книжной полке я увидела большой портрет Михаила Юрьевича. Он глядел с него прямо в глаза смотрящему, и лицо выглядело настолько живым, что, казалось, оно меняет выражение в зависимости от внутреннего состояния того, кто перед ним стоит.

ПУТЬ НА ОШХАМАХО

Всякая дурная мысль делала его чуть строже и печальней, дядя Миша будто бы говорил мне, как когда-то: «Олеська, не стОит». И, наоборот, на радостное чувство он словно откликнулся смягчением своих черт и легкой улыбкой.

И вот я думаю: самое главное и самое драгоценное, что дает нам жизнь, – это люди, особые, «штучные», неповторимые, которые всегда с нами, даже если мы разлучены обстоятельствами времени и места, а тем паче – смертью. Но они продолжают в нас жить, и это их пребывание внутри нашей души и есть любовь.

А что касается сугубо Михаила Юрьевича, дяди Миши, то он был послан нам как свидетельство: человек может оставаться благородным, невзирая на обстоятельства, препоны, унижения и испытания.

Потому что Творец создавал его именно для этой высоты и красоты» .

«Все-таки я одолел тебя, Безухий!»

Предчувствую полет

и жизнь свою в высотах...

Римма Казакова

В начале творческого пути Михаила Лохвицкого его крестный отец в литературе Сергей Николаевич Сергеев-Ценский предсказал, что наибольший успех его ожидает именно в крупных формах. Однако писатель достиг и в малой форме значительного творческого результата. Владимир Приходько в письме от 20 июля 1972 года дает высокую оценку именно его рассказам: «Сейчас читаю твою книгу (вероятно, речь идет о сборнике ранних рассказов «Средь бела дня». – И.Б.). Заглавный рассказ – лучший из тех, что я прочел, и вообще – замечательно сильный, правдивый и добрый рассказ. Написан с редкой силой и страстью. И запечатлелось в нем очень много жизни. Того же, вершинного уровня «Му-

мия», «Ясон и Венера», «Заключение цыганки», «Отсталая женщина», «Вода». Мне трудно сказать, какой из этих рассказов лучший: давно, как говорится, не читывал ничего похожего на описание смерти в «Воду» – это написано с пронзительным лиризмом... Да, еще про рассказ «Пашка». Сильный рассказ: с ярким, противоречивым, неприятным и милым героем».

Из его же письма от 30 марта 1972 года: «Если бы ты даже больше ничего не написал, то уже этим рассказом должен был бы войти в русскую литературу. Это чаплинской силы вещь – просто у меня слов нет, чтобы выразить свое восхищение... Вся жизнь наша встает из этого локального рассказа – монументальная, смешная, жалкая и трагическая. Ах, не даром же ты Михаил Юрьевич!»

Из письма писателя **Романа Петрозавили** от 9 декабря 1974 года: «Прочитал твою книгу «Средь бела дня» и от души поздравляю. Знаешь, я испытываю такое чувство, будто в слякотную мартовскую погоду, когда даже дохлую собаку жалко на улицу выбросить, вошел в гостеприимный дом и присел у очага, где пышут жаром прогоревшие дрова, и я протянул к нему озябшие руки».

«Не следует, однако, думать, что проза Михаила Лохвицкого безоблачна, что картина действий в его рассказах идиллична. В рассказе «Ясон и Венера» описана драматическая ситуация: сборщица чая Венера целиком предана своей работе, но лишена многих человеческих, чисто женских радостей. Прикоснувшись к сложной, не поддающейся прямолинейному изображению судьбе, Михаил Лохвицкий проявил и чувство такта, и художественную смелость. Ему удается грузинский народный характер: трудно не полюбить председателя колхоза Габурию, старика Баграта, Иону... Нет сомнения, что современная грузинская проза оказала свое влияние на манеру Михаила Лохвицкого, на его живое, эмоциональное письмо», – читаем в одном из откликов на сборник рассказов писателя.

Рассказы «Средь бела дня», «В день воскресный, на Оке» относятся к лучшим произведениям русскоязычной прозы, посвященным детской и юношеской теме. Писатель показывает, как мальчик превращается в

ПУТЬ НА ОШХАМАХО

мужчину. Вместе с взрослением, обретением духовной силы и физическим становлением, идет и другой процесс: пробуждения душевной чуткости, эмпатии, чувства ответственности за другого человека. Уважение вызывают Юрка и Сашка, юные герои этих рассказов. Ясно, что из подростков вырастут настоящие мужчины, порядочные люди. Ведь что посеешь, то и пожнешь: главное закладывается в детстве, а проявляется потом на протяжении всей жизни.

Один из лучших образцов современной русской прозы – психологический рассказ «Долгая зимняя ночь». Он потрясает глубоким проникновением во внутренний мир героини – причем это происходит не через поток сознания, не через оценку автором или другим персонажем поступков женщины: ее характеризуют сами поступки, художественные детали. Скупой на выражение эмоций, лаконичный стиль точно, с беспощадной правдивостью воссоздает образ Анны. Кстати, в увлечении романтизмом упрекал М. Лохвицкого Владимир Приходько: «Единственное, на что я хотел бы, повторяю, обратить твоё внимание, – на проклятый и прекрасный романтизм, который следует всячески прижать при повторных переизданиях. Он есть в твоих рассказах. И он абсолютно не нужен. Душа у тебя поет и без красотостей, Миша».

Сдержанное, но от этого еще более выразительное повествование «Долгой зимней ночи» исключает романтизм. Духовная метаморфоза, произошедшая с Анной в блокадном Ленинграде, показана с пронзительной достоверностью. Просто физически ощущаешь невыносимые страдания героини. Эгоистичная, холодная, расчетливая женщина, всегда думавшая лишь о личном благе, оказалась в обстоятельствах страшных, на грани выживания. В «долгую зимнюю ночь», в голодном полузабытии происходит переоценка ценностей. Анне всегда хотелось брать, получать – а после перенесенных мучений стремления стали диаметрально противоположными: отдавать... «Выйдя из госпиталя, Анна стала раздавать прохожим свою одежду, просить, чтобы у нее забрали рояль». Рояль до войны был для героини олицетворением материального благополучия, комфорта... Однако метаморфоза произошла с Анной ненадолго: выздоровев, она «снова при-

гласила настройщика, чтобы он натянул струны взамен лопнувших. Ключа от рояля она так и не нашла и заказала вместо него новый». Анна вернулась в свое обычное, естественное для нее состояние. Как видно, природу не изменишь.

Яркий рассказ – «Пашка». На первый взгляд, герой – воплощение бездуховности. На самом деле он намного человечнее тех, кто пытается привязать его к «Москвичу», избе, пробудить в нем корыстолюбие. Вначале как будто поддавшись человеческой слабости, Пашка все-таки не может пойти на сделку с совестью и уходит от грядущего благополучия, сытого существования рядом с нелюбимой женщиной... Одна выразительная деталь может сказать о многом. К примеру, желтые пятки спящей новобрачной для Пашки – олицетворение серой прозы жизни, унылого, мещанского прозябания.

В рассказе «Охота на тигра» затронута тема, всегда волновавшая писателя: преодоление человеком слабости, победа над самим собой благодаря максимальной концентрации силы воли. Тигр в рассказе – это метафора. За ней – недуги физические и нравственные, препятствия, трудные обстоятельства жизни. Сумеешь взять себя в руки, справиться с комплексами, неуверенностью в себе, страхом, наконец, – выйдешь победителем в схватке с тигром. Бухгалтер Сухоедов у Лохвицкого, зауряднейший, вроде бы, человек, зажатый и зависимый от всего и вся вокруг, неожиданно обнаруживает в себе задатки лидера и в сложных обстоятельствах берет инициативу в свои руки, помогает не только себе самому, но и всем остальным. «Все-таки я одолел тебя, Безухий!» – думает во сне Сухоедов, имея в виду свою победу над тигром – то есть над самим собой.

Рассказ «Ираклий», опубликованный в «Огоньке», высоко оценил писатель **Виктор Конецкий**. И действительно, это настоящая жемчужина в творчестве Михаила Лохвицкого. Здесь есть все: и яркие, сочные образы, и динамичные, острые диалоги, и эмоциональная заряженность, и юмор. Покоряет образ Ираклия Андроникова – писателю удается передать его особенные, неповторимые черты, обаяние личности, творческую одаренность, заразительность. Рассказ читается на одном

ПУТЬ НА ОШХАМАХО

дыхании. Символично, что одно из последних произведений Михаил Юрьевич Л. посвятил знаменитому исследователю творчества Лермонтова Ираклию Андроникову.

Особняком в творческом наследии М. Лохвицкого стоит фантастическая повесть «Час сенокоса» – о юноше, наделенном даром летать, преодолевая земное притяжение. Напрашивается параллель с «Барьером» болгарского писателя **Павла Вежинова**, героиня которого обладала такой же способностью. Однако если в произведении Вежинова героиня – существо уникальное, с хрупкой духовной организацией, и потому не может жить в одномерном мире обычных людей и погибает, то в повести Лохвицкого Анзор, вначале скрывающий свою избранность от окружающих, все-таки стремится передать свой дар другим, научить их летать, приобщить к состоянию невесомости и тем самым преодолеть барьер, существующий между ним и остальными. Опять мечта о единении, стремление уйти от одиночества – к людям. Но вопрос остается открытым: способность летать – божественный дар или этому может научиться любой? Думается, справедливо первое... Однако писателя волнует, может ли, должен ли человек один владеть талантом отрываться от земли, не обречен ли он в этом случае на экзистенциальную пустоту, подобно лермонтовскому Демону? Для Лохвицкого самое страшное – это одиночество, оторванность от людей.

Умение Анзора летать – то же самое, что и способность Юрки из рассказа «Средь бела дня» видеть фантастические образы в обычных облаках. Это – сродни писательскому дару (как отмечают исследователи, ощущение полета вообще близко Михаилу Лохвицкому). А стремление художника слова донести до сердца и сознания читателя свои мысли и чувства подобно мечте героя повести «Час сенокоса» приобщить людей к чувству полета, а значит – «пробить» стену непонимания, отчужденности между собой и окружающим миром.

Тема сверходаренности человека всегда волновала писателя. Еще один пример – Надя Ветрова из поэтической повести «Баркарола». У девушки из глухого селения необыкновенные способности к музыке. Этот дар мог так и заглухнуть, не раскрывшись: серые будни поглотили бы

его. Перед Надей стоял выбор – быть, как все, или стать особенной, избранной. Приехав в Тбилиси и волею судьбы оказавшись в доме профессора Нины Нуцубидзе, девушка начинает интенсивно заниматься, но... пасует перед трудностями. Оказывается, божий дар – это еще не все. Необходим огромный, упорный труд. Быть, как все, плыть по течению – легко и не требует усилий. И еще. Талант – бремя, крест. Во имя него нужно пожертвовать всем. Только в этом случае ты действительно станешь избранным и тебе откроется неведомый, чудесный мир.

И Надя жертвует во имя призвания всем – зарождающимся чувством, родным селением. «Она прощалась со своей любовью, с молчаливой ночной степью и погруженной в сон деревней... Надя не знала, что пройдут годы – и любовь снова придет к ней, не знала, что она уже несет с собой в Тбилиси и голоса нагорья, и шум ветра, и пение птиц, не догадывалась, что все это будет жить в ней, в музыке».

В последней повести М. Лохвицкого «Поиски богов» выведен образ еще одного музыканта, джегуако – народного поэта, певца, сказителя Озермеса. Герою открыто и ведомо то, что недоступно обычному человеку. Он тоже – избранный.

Взгляд через «чистые стекла»

Любовь к родному пепелищу,

Любовь к отеческим гробам...

Александр Пушкин

Еще в 60-е годы писатель задумал роман «на материале историческом, о своих предках – черкесах-шапсугах». «По времени это будет относиться к 1860-1870 годам», – делился планами Михаил Лохвицкий, еще находясь в России. Вернувшись в Грузию, он начинает активно работать над воплощением своего замысла. Рассказывают, что в период создания исторической повести «Громовый гул» Михаил Лохвицкий так глубоко погрузился в мир

ПУТЬ НА ОШХАМАХО

произведения, что разговаривал во сне на непонятном гортанном языке. Может, черкесском? Обратившись к кавказской теме, писатель выполнил долг перед предками (вспомним наказ дяди). Это была своего рода миссия...

Появление в 1977 году такого острого произведения, в котором отразились трагические события истории, вызвало неоднозначную оценку. Ведь в центре повести – актуальная во все времена тема «Россия – Кавказ», а именно – исторические коллизии Кавказской войны (1817-1864). Интересны отклики на «Громовый гул», в которых отражается широкий спектр мнений. С чем-то можно согласиться, с чем-то – поспорить...

«Ты лучше меня знаешь и помнишь, как вопрос «Россия и Кавказ» по-разному трактовался в разное время (имею в виду наше время), – пишет в своем письме Лохвицкому от 28 ноября 1975 года писатель Юрий Давыдов. – А ежели глянуть на дело издали, то, увы, надо сознаться, что и декабристы, и Пушкин стояли ЗА покорение Кавказа...» И далее автор цитирует поэта Петра Вяземского: «Что за герои Котляревский, Ермолов? От такой славы кровь стынет в жилах и волосы дыбом становятся. Если мы просвещали бы племена, то было бы что воспеть. Поэзия не союзница палачей... гимны поэта не должны быть никогда славословием резни».

Из письма В. Турбина, датированного 23 марта 1977 года: «Очень врезалась мне в сознание ваша повесть. Чем больше думаю о ней, тем яснее вижу, что зла она, несправедлива и что несправедливость ее нельзя доказать какими бы то ни было историческими документами, беспомощным лепетом о прогрессивности русского вторжения на Кавказ, о том, что были же, мол, среди русских офицеров и солдат и хорошие люди и т.п. И историография, и наша традиционная либеральная мораль здесь беспомощны, жалки. Мне почему-то кажется, что повесть ваша дорогу в печать себе все-таки непременно пробьет, а там... спор, затеваемый вами, бесконечен, и вряд ли нам дано дожить до его завершения. Но завершение это, конечно же, рано или поздно придет; и остается верить в те времена, когда народы, распри позабыв, в великую

семью соединятся».

«Страшно подумать о книгах, стоящих у Вас за спиной, – отмечает поэт, переводчик, литературовед **Михаил Синельников** в письме от 18 апреля 1978 года. – Здесь и быт русского офицерства от «Повестей Белкина» до «Поединка», и начавшийся со стихов Жуковского и поэм того же Пушкина Кавказ в русской литературе. И вот что особенно существенно: два ее высших шедевра, две наиболее мастерских вещи – «Герой нашего времени» и «Хаджи-Мурат» вас преследуют просто по пятам, да так, что вы не можете их не упомянуть по ходу разматывания ткани собственной вещи...

Ваша повесть, посвященная судьбе черкесского народа, не могла оставить меня равнодушным. Это настоящая и серьезная проза. Блистательные страницы о черкесском ауле, глава о солдатах-перебежчиках. Труд, быт, любовь черкесов – необыкновенно интересно, а для меня и для 99,99 % читателей – открытие неизведанных земель...

Образы, созданные классикой, не померкнули, но замечательно ваше развенчание типа старослужилого русского «кавказца». Повесть нравственная и служит порукой тому, что преступление, совершенное бог знает когда, хотя бы и век назад, никому не ведомое, не будет забыто...

А самые потрясающие страницы повести, конечно, те, где изображена смерть черкесов на морском берегу. Сколько тут и XX века!..

Хороша концовка «Гула». Она напоминает мне некоторые страницы прекрасного немецкого поэта и прозаика Иоганнеса Боровского – ощущения, испытанные им на земле истребленного племени пруссов.

Разделяю с Александром Петровичем Межировым мнение о том, что эту вещь, очень острую, волнующую и талантливую, ждет европейский успех!

...Но тема «Громового гула», как мне кажется, более кровавая и, конечно, выстраданная, соотнесенная и со многим современным, что, разумеется, неизбежно в повествовании о русской истории, написанном серьезным писателем в наши многому подводящие итог дни... Да, нужно мужество, чтобы взяться за такую тему. Для этого нужно быть глубоко раненым ей...»

ПУТЬ НА ОШХАМАХО

Высоко оценил повесть писатель **Юрий Трифонов**: «Спасибо тебе за «Громовый гул», который я прочитал с большим интересом и удовольствием. Это настоящая историческая повесть с глубоким проникновением в эпоху, время, колорит и – в людей. Я понимаю трудности, с которыми ты столкнулся при прохождении этой книги. Но ее гуманистический смысл несомненен. Такие книги, рассказывающие о сложных судьбах не только людей, но – народов, сейчас очень нужны» (4.04.78).

Неоднозначно воспринял «Гул» **Константин Симонов**. В письме от 27 марта 1977 года он подробно проанализировал повесть, в чем-то не согласился с автором, но при этом отметил: «Романтизм тут жесткий, точный, идущий от Лермонтова романтизм, который мне очень по душе... Новая вещь М. Лохвицкого – вещь талантливая, но при этом написанная неровно; вещь благородная по своему духу, но при этом в чем-то написанная неточно».

«Уклад жизни горцев так хорош, что напоминает скорее утопию. Но искренность и полнота Вашего интернационального чувства покрывает все недостатки, – считает критик **Леонид Наппельбаум**. – Я говорю именно о чувстве, потому что здесь одного принципа мало. Здесь надо любить людей во всем их многообразии. В Вас есть эта любовь, и тем притягательнее Ваши книги. А кроме того... такой простосердечный романтизм, который особенно свойствен этой второй из прочитанных мною Ваших книг, делает литературу богаче и разнообразнее» (17.3.79).

Восторженно приветствовали появление повести представители черкесского народа. Читаем в одном из писем от 16.07.78: «Мой народ всегда был нравственно чист, морально устойчив, верен слову, духовно крепок. Все эти качества правдиво показаны в образах повести... Ты правдиво показал политику самодержавия по отношению к адыгам и причину переселения (в Турцию. – *И.Б.*). Это очень важно, так как это поясняет суть дела неосведомленным людям и избавляет от кривотолков, вынуждает смотреть на мой народ иными глазами, думать о нем чище, может быть, даже с восхищением... Отличная концовка! Ничто бесследно не исчезает. Если что-то было и молчит, то до поры до времени. Назначение человека – быть человеком. Один и при жизни мертв, а

другой и после смерти живет. Такова логика, заключенная в концовке».

Из письма от 1.4.81 г.: «Громко, вслух, сказано справедливое слово! Убедительно сказано! Шапсуги... отличались одним свойством – выраженное самосознание и чувство достоинства... В описываемый Вами момент оно достигло, наверное, самого мощного трагического всплеска».

Повесть «Громовый гул» стала настольной книгой адыгской интеллигенции. Многие расценили обращение писателя к столь острой, сложной теме как поступок честного и мужественного человека, гражданина. Хотя повесть замечательна и с художественной точки зрения, прежде всего как продолжение традиций русской классической литературы в отражении кавказской темы. Традиционной была сама форма записок, распространенная в XIX веке. Очевидны параллели с популярной темой «Кавказского пленника» – речь идет не только об антиномии «русский – кавказец», но и о противопоставлении человека европейской культуры, цивилизации людям другого мира, близким к природе, живущим по своим, особым, нравственным законам. В соответствии с русской романтической традицией горец – это воплощение подлинной свободы духа. Впечатляют страницы, посвященные нравам и обычаям шапсугов.

Очевиден гуманистический смысл происходящего в повести: русский офицер Яков Кайсаров, явившийся с целью «завоевать» Кавказ, не только отказывается убивать и грабить, но и переходит на сторону врага. С точки зрения военной он – изменник, дезертир, нарушивший воинскую присягу, с точки зрения гуманистической, морально-нравственной – человек глубоко порядочный, образец мужества и благородства. И движим он пониманием того, что война на Кавказе никому не нужна: «Ни казаки, ни русские мужики переселяться на черкесские земли не хотели. Разговоры о том, что захватить Кавказ было исконной мечтой русского народа, – гнусная ложь. Монархи всегда прикрывают свои гнусности ссылками на исполнение ими мечты и воли народа». На мой взгляд, одно из сильнейших подтверждений этой мысли – стихотворение Лермонтова «Валерик»:

ПУТЬ НА ОШХАМАХО

Бой длился, резались жестоко,
Как звери, молча, с грудью грудь,
Ручей телами запрудили.
Хотел воды я зачерпнуть...
(И зной, и битва утомили
Меня), но мутная волна
Была тепла, была красна.

И далее – горький философский вывод:

И с грустью тайной и сердечной
Я думал: жалкий человек,
чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он – зачем?

«Что же касается до народа нашего, – пишет в своих записках Кайсаров, – то прелесть своеволия горцев всегда действовала на него притягательно, и две капли крови: русская и черкесская – давно бы слились, если б не противодействие монархической власти на Руси».

О том же – фильмы **Андрея Кончаловского** и **Никиты Михалкова** «Дом дураков» и «Двенадцать», в которых враждующие стороны – русские и чеченцы – показаны с человеческих позиций, с позиций обыкновенных людей, среди которых нет злодеев, жаждущих крови себе подобных. Тем не менее и те, и другие вовлечены в чудовищный конфликт. Кем? Кому это нужно? И вновь, как много лет назад, гибнут невинные... И вновь остро стоят извечные вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?»

Не случаен интерес **Льва Николаевича Толстого** к личности Хаджи-Мурата, «красивому и сильному типу настоящего горца». В изображении писателя «это и «разбойник», в борьбе не щадящий врага, не

раз перешагивавший через человеческую кровь, способный и на жестокость, и на расчетливую хитрость, и в то же время любящий сын, муж и отец, верный друг, добрый, часто простодушный, располагающий к себе человек». В произведении выражено толстовское понимание современного мира, в котором люди трагически разобщены, и война есть крайнее выражение этой разобщенности. В то же время Лев Николаевич уверен, что они способны понимать друг друга. Мешает «определенная система, ...воспроизводящая социальное зло: войны, угнетение, грабеж трудящихся, репрессии».

Примечательно, что осуждение политики царизма на Кавказе в повести «Громовый гул» вложено в уста русского человека, побуждаемого «тайными муками совести», «постоянной болью». Причем Яков Кайсаров имеет в виду «не только свою собственную совесть, а и ту всеобщую, частица которой есть и в вас, и во мне, в каждом человеке». В этих словах, как и в общей морально-нравственной позиции Кайсарова, угадывается связь с Толстым, с духовными исканиями его героев, не допускающих компромисса с совестью. Их морально-нравственные установки, основанные на вере, исключают насилие. Вот что говорит о себе Левин из «Анны Карениной»: «Что бы я был такое и как бы прожил свою жизнь, если бы не имел этих верований?.. Я бы грабил, лгал, убивал».

Близость Кайсарова к персонажам русской классики очевидна – он дополнил галерею ее образов: Онегин, Чацкий, Печорин, Безухов, Болконский... Прежде всего потому, что и он – «герой нашего (то есть своего) времени», или, пользуясь другим литературоведческим термином, «лишний человек», нашедший прибежище в ауле, среди горцев, свой среди чужих – чужой среди своих. «Оказалось, что рождение в дворянской семье не обязательно гарантировало привычной «накатанности» существования, что воспитание в кадетском корпусе не всегда предопределяло мировосприятие и мироотношение, что армейская служба не обязательно вела к заскорузлой узости и черствости чувств и понятий». Да, это так. Красноречивые примеры – офицеры Михаил Лермонтов и Лев Толстой.

В связи с образом Якова Кайсарова Юрий Давыдов в своем по-

ПУТЬ НА ОШХАМАХО

слесловии к повести упоминает дневник лицейского однокашника Пушкина Федора Федоровича Матюшкина. Писателя поразили две мысли, высказанные русским офицером: «Первая: колониальные захваты равно губительны как для покоряемых, так и для покоряющих, ибо поджигают не только войны европейцев с народами других континентов, но приводят к вооруженным столкновениям между самими европейскими народами. И второе, очень и очень важное: «Мало изгнать из своей земли рабство, чтобы доставить подданным счастье, безопасность, богатство, но надобно изгнать его из колоний – для блага всего человечества».

Однако вся нынешняя география мира есть результат завоевания и ущемления более слабых или малочисленных народов сильными и многочисленными. Достаточно вспомнить историю покорения Америки, индейскую демографическую катастрофу... И борьба за передел мира не окончена. По-прежнему кто силен, тот и прав... Но, наверное, и сегодня найдутся Кайсаровы, которые не захотят участвовать в этом процессе. Ведь речь идет об индивидуальном нравственном выборе... А изменить волю «монархов, прикрывающих свои гнусности ссылками на исполнение ими мечты и воли народа», Кайсаровым, да и никому, наверное, не дано.

И еще: история – вещь сложная и неоднозначная. Юрий Давыдов пишет, что, «обозревая, не следует надевать ни розовые, ни темные очки, а если уж пользоваться оптикой, то с чистыми стеклами. Так вот, с высоты Истории отчетливо различима доставшаяся столь дорогой ценой объективная неизбежность и объективная необходимость включения Кавказа в пределы обширного государства». Так о чем же идет речь – о трагедии народов или объективной необходимости? Вопрос остается без ответа...

Интересна точка зрения Натана Эйдельмана, выраженная им в книге «Быть может, за хребтом Кавказа...» Исследователь говорит о трагичности и «крутообразности» истории, о противоречивой личности генерала **Михаила Ермолова**, воспетого лучшими поэтами – от Жуковского до Лермонтова, от Крылова до Рылеева. Его именем горские

матери пугали своих детей. «Царский генерал, яркая, талантливая личность... Но живет в ту эпоху, когда ревностная служба своему отечеству нередко оборачивается гибелью для завоеванных. В каком-то смысле можно сказать, что чем ярче его «русские добродетели», тем лучше он делает свое дело и, значит, тем тяжелее Кавказу. Не в этом ли противоречии – один из источников той трагедии, которую суждено еще перенести генералу?»

Не был сторонником «барабанного просвещения», насаждаемого Ермоловым, и **Александр Грибоедов**. В письме Вильгельму Кюхельбеккеру он описывает кровавую сцену, которая произошла в Екатериноградской во время встречи генерала Вельяминова с черкесским хребцом, молодым князем Джамбулатом, и признается: «Вот уж месяц, как она происходила, но у меня из головы не выходит».

По-своему, поэтически, осмысляет эту проблему **Расул Гамзатов**, вступая в полемику с известными пушкинскими строками «Смирись, Кавказ, идет Ермолов»:

Нет, не смиряться и не гнули спины
И в те года, и через сотню лет
Ни горские сыны, ни их вершины
При виде генеральских эполет.
Ни хитроумье бранное, ни сила
Здесь ни при чем. Я утверждать берусь:
Не Русь Ермолова нас покорила,
Кавказ пленила пушкинская Русь.

Эту же мысль, только научным языком, выражает **М. Лазарев** в предисловии к исследованию Н. Эйдельмана «Быть может, за хребтом Кавказа...» Он говорит о «культурно-психологических связях, которые устанавливаются между объективным и субъективным миром и которые крайне трудно уловить и тем более постичь». Речь идет о близости, глубинном родстве исторических судеб русского народа и народов Кавказа... Этот фактор тоже следует учитывать, надевая пресловутые

ПУТЬ НА ОШХАМАХО

«очки обозрения».

Книга М. Лохвицкого актуальна и в наши дни, ведь несмотря на относительное затишье, Кавказ остается узлом противоречий. Время от времени его лихорадит – как в недавнем прошлом. Мне кажется, писатель предвидел наступление сложных времен, и повесть «Громовый гул» стала во многом пророческой. Может быть, она явилась предостережением для тех, кто склонен игнорировать уроки истории. Потому что проблему «Россия – Кавказ» нельзя считать разрешенной. Кто развязывает кавказский узел?

«...Возвращаясь к обстоятельствам давно минувших дней, к кавказской трагедии почти двухсотлетней давности, решительно невозможно удалить из памяти то невеселое обстоятельство, что трагедия эта оказалась не последней. Что и в двадцатом столетии кавказские народы претерпели утеснения и репрессии, а некоторые из этих народов подверглись и варварскому насильственному перемещению. И вновь русская литература, сочувственная и сострадающая, оказалась на стороне погибающих, гонимых. Сочувствие, проявленное в самые черные дни, было, конечно, бессильным, но в исторической перспективе оказалось все же нужным и ненапряженным. Если иметь в виду долговечность самой словесности. Большая литература и есть совесть большого народа», – отмечает М. Синельников.

«Гул» пробился к читателям с большим трудом. «Будучи принята к изданию в альманахе «Дом под чинарами», повесть затем начала проходить все круги цензурного ада, – вспоминает Михаил Вайнштейн (Заверин). – Мне, как составителю альманаха, приходилось выслушивать беспрестанные требования о необходимости смягчить сцены, запечатлевшие «просветительскую роль» русских войск на Кавказе. Вновь и вновь приходилось, рядясь в тогу «академичности и научности», апеллировать к цитатам марксизма-ленинизма, неосторожно клеймивших некогда «империализм русского царизма»... Но одно дело – цитаты и история, другое – действительность и современность. И новые доводы о том, что речь в произведении идет о прошлом, – не помогали. Повесть написана сегодня, поучал меня цензор, и читатель может подумать, что

это неспроста... Цензура терзала автора и редакцию альманаха многие месяцы. Появилось послесловие московского писателя Ю. Давыдова, которое должно было стать как бы «благословением» Москвы. «Московские власти» к этому послесловию, конечно, никакого отношения не имели... но все же для цензуры стоящее под статьей слово «Москва» звучало магически-завораживающе... Были сделаны кое-какие купюры, внесены поправки (некоторые куски попросту «переписывались», чтобы создать видимость «переработки»!). Борьба с цензурой шла, как говорится, не на жизнь, а на смерть. Повесть выжила, устояла»³³. Этому способствовал и Константин Симонов, неоднозначно воспринявший произведение, однако оценивший его художественную и историческую значимость. В одном из писем (Л. Жадовой) Михаил Юрьевич отметил данный факт: «Константин Михайлович помог преодолеть трудности, связанные с публикацией повести».

Для народов Северного Кавказа, в первую очередь черкесов-шапсугов, Михаил Лохвицкий стал национальным героем: ведь он впервые рассказал об их трагедии. С особым интересом читаются страницы, посвященные устройству жизни шапсугов. Наверное, здесь не обошлось без налета романтической идеализации, однако нельзя не отдать должное любви и уважению писателя к предкам. Их взаимоотношения, при всей патриархальности уклада, строились на принципах демократизма – в отличие от иерархического устройства жизни так называемого цивилизованного мира. «У шапсугов исключалось преимущество одного человека над другим или одной, пусть большей части народа, над остальной. Единственной силой у них была сила слова. Возможно, поэтому парни, собираясь вместе, стариковали, принимая на себя вид поживших, многоопытных людей. Какое-либо решение, введение нового адата считалось принятым, если не оставалось ни одного неубежденного».

Иногда повесть «Громовый гул» называют произведением о кавказском рыцарстве (голова – государству, сердце – даме, а честь – никому), проблемах кавказского воспитания мужчины. Неудивительно, что адыги восторженно восприняли это произведение: Лохвицкий помог им

ПУТЬ НА ОШХАМАХО

осознать самих себя, свое место на земле!

После того, как повесть вышла в свет, с Северного Кавказа в Тбилиси стали приезжать люди. Они даже предлагали Михаилу Лохвицкому переехать на историческую родину. Но он отвечал: «Один раз я уже уезжал из Грузии, во второй – не могу!» Поразило писателя отношение к нему молодых адыгов. Когда наступила минута прощания, – это было на площади Свободы, – они склонились перед ним на колени. «Я был потрясен и растерян, – говорил Михаил Юрьевич. – Пережил целую гамму чувств, пытался помешать такому проявлению уважения. Однако меня остановили: так положено! В этом поступке – мудрость воспитания...»

Кстати, писатель пытался обратить внимание власть предержащих на проблему разрозненности черкесского народа, проживающего в Нальчике, Черкесске, Майкопе, составил соответствующее письмо о целесообразности объединения адыгов в одной административной единице.

Вместе с талантливым молодым литератором и врачом **Джемалом Кикозашвили** Михаил Юрьевич сделал инсценировку повести «Громовый гул», по которой режиссер **Руслан Фиров** поставил спектакль на сцене Кабардинского драматического театра имени Али Шогенцукова. Премьера, состоявшаяся в 1989 году, стала огромным потрясением для адыгов...

В Нальчике писателя встретили со всеми почестями. В течение двух недель Михаила Юрьевича возили по городам, аулам... И везде к нему проявляли особое уважение – как к национальному достоянию. А на спектакле люди плакали: и женщины, и мужчины, обычно столь сдержанные в проявлении чувств. Эмоциональное потрясение испытал и Михаил Лохвицкий. Это был его звездный час, апогей признания! К этому времени он как раз завершил работу и над продолжением «Громового гула» – повестью «Поиски богов». Увы, она вышла в свет, когда Лохвицкого уже не было в живых... Через неделю после премьеры писатель скончался. Сердце не выдержало стрессовых перегрузок, переизбытка положительных эмоций. Странное, мистическое обстоя-

тельство: перед смертью Лохвицкий получил в дар от черкесов черную бурку. Именно она накрыла покойного перед тем, как он отправился в последний путь, последнее путешествие в мир теней...

Спектакль Руслана Фирова «Громовый гул» был показан в Нальчикском драматическом театре в 2004 году в связи с важнейшей датой – 140-летием окончания Кавказской войны. На сцене вновь ожили герои писателя Михаила Лохвицкого.

В 2008-м году «Громовый гул» сыграли в Черкесске...

А в 2014-м на американской сцене состоялся премьерный показ танцевального шоу по мотивам повести Михаила Лохвицкого «Громовый гул». Представил постановку черкесский танцевальный коллектив из Нью-Джерси «The Narts Dance Ensemble» под руководством Пэрыга Шыкбуара.

Поиски богов

*Восторг внезапный ум пленил,
Ведет на верх горы высокой...*

Михаил Ломоносов

Роман «Поиски богов», одно из лучших произведений Михаила Лохвицкого, странным образом оказался вне внимания специалистов, литературных критиков. Просто его выход в свет в 1990 году (издательство «Мерани») совпал с историческими потрясениями, переживаемыми как Грузией, так и другими странами бывшего Союза. Писателя уже не было на свете – он ушел из жизни в августе 1989 года... Могу себе представить, что испытал бы Михаил Лохвицкий, если бы ему довелось стать свидетелем этнических конфликтов, социальных катаклизмов, войн последних десятилетий. Пытаясь анализировать это произведение, в котором талант Михаила Лохвицкого проявился с новой, неожиданной стороны, чувствовала себя первооткрывателем новых земель. И страшно, и интересно...

Однако в 2013 году было выпущено издание, объединившее два

ПУТЬ НА ОШХАМАХО

«кавказских» произведения Михаила Лохвицкого с предисловием Михаила Синельникова. В нем он анализирует, в том числе, «Поиски богов», определяя место этого произведения в творчестве писателя.

По мнению М. Синельникова, вторая книга не просто философический довесок к первой.

«Возможно, она еще значительней. Каждая автономна, но, соединенные под этим переплетом, они образуют совершенно выдающуюся дилогию, созданную единым духом и без перепада уровней. Один роман «перетекает» в другой, как у Бальзака. Второстепенные персонажи «Громоваго гула» становятся главными героями в «Поисках» (задним числом понимаешь, что возможность такого развития темы таилась еще в зачатке повествования).

Итак повесть об адыгских Адаме и Еве стала достойным продолжением более ранней книги. И в этом естественном, художественно продуманном продолжении с новым приливом сил и с болью той же не знающей утolenия потомственной ностальгии еще раз воссоздаются образы того мира, который давным-давно был стерт с лица земли. Возникает новая глубина. Обреченные на лютую смерть какими-то чуждыми, злыми людьми и на долгий срок, быть может, навсегда, отделенные от всего остального человечества, окруженные, быть может, враждебной, но совсем не равнодушной и не безмолвной природой, соединенные любовью и в своем подвижническом одиночестве подобные прародителям какого-то грядущего народонаселения планеты, эти мужчина и женщина задают себе самые роковые вопросы и дивятся нравам человекообразных убийц:

«Такого не бывает ни среди волков, ни среди медведей, ни среди оленей. Люди же относятся к своим собратьям, как клятвопреступницы лисы к зайцам или волки к косякам. Что толкает человека к унижению подобных себе, делает злым и беспощадным?» Действующими лицами этой прозы становятся различные животные, и домашние, и лесные, и поведенное о них художественно, кажется, не уступает ни Кипплингу, ни Сетон Томпсону, только что разве еще глубже и тоньше психологическая разработка.

Своеобразная аульная натурфилософия с понятиями о неравномерности протекания времени в разных существованиях, в организмах разных созданий природы близка, между прочим, учению Анри Бергсона о «живом времени». Но понятно, что в черкесском мире это не воспринятая извне научная система взглядов, а развившееся, созревшее в поколениях мироощущение. Основанное и на вековечном опыте обитания посреди заповедного царства флоры и фауны, и на каком-то непостижимом для нас тайнознании, ясновидении. Есть в книге и мистические, галлюцинаторные сцены. Например, явление в девственном высокогорном лесу неумолимого языческого бога, мчащегося на своей колеснице. И ведь эти видения, возникающие так непринужденно, так запросто и без оглядки на возможную критику, требующую правдоподобия, эти откровения, вплетенные в жизнеописание народного певца джегуако и веющие грозной поэзией, они – не что иное, как «фантастический реализм». Родившийся совершенно независимо от Габриэля Маркеса... И уж если у кого всерьез учился Лохвицкий, то у автора «Валерика» и «Героя нашего времени» и у автора «Казачков» и «Хаджи Мурата». Ну, что-то (лишь в первой повести), конечно, выписано по лермонтовскому лекалу, а иное сшито по толстовской мерке: по ходу чтения иной раз вспомнятся и Максим Максимович и Печорин, и Оленин, и мюриды Шамиля. Но ведь это уже бессмертные типы мировой литературы, живые как жизнь и повторяющиеся в самой жизни. Нет, конечно, причин сравнивать Лохвицкого с величайшими гениями отечественной словесности. Но все же он шел той же честной дорогой российской прозы, «столбовой» ее дорогой (решусь употребить термин, кажущийся морально устаревшим, отвергнутый, а на самом деле верный и весомый, справедливый). Все равно писателем Лохвицкий был оригинальным, ибо мыслил, мучился и пронизал найденное содержание собственной суммой идей. И в условиях своего времени сумел сказать то, что хотел и как хотел».

Если «Громовый гул», первое произведение дилогии, написан в жанре исторической повести, то его продолжение, «Поиски богов», – это историко-философская притча. В первом Михаил Лохвицкий за-

ПУТЬ НА ОШХАМАХО

остряет внимание читателя на событиях прошлого, делает их выпуклыми, обнажает трагический смысл происходящего в контексте истории, размышляет на тему «Россия – Кавказ», рассказывает о судьбах адыгского народа. В последнем же произведении у него совершенно иной художественный подход. Писатель предлагает философско-поэтическое осмысление реальности, воскрешает древние верования адыгов, их легенды, обычаи и через полуфантастическую образность пытается постичь душу народа, более того – предсказать его будущее. На страницах повести «Поиски богов» наряду с вполне реальными персонажами появляются различные пантеистические божества. Вспоминается давнее увлечение Михаила Лохвицкого античной мифологией...

Герои произведения Озермес и Чебахан, скрывшиеся в горном лесу от жестокого человеческого мира, верят в существование громовержца Шибле, подарившего людям огонь, Тлепша, который «не только отковал серп по просьбе людей, но и спросил, каким он должен быть, и таким и сделал – похожим на хвост петуха и с мелкими, как у змееныша, острыми зубами», Мазитхи, бога леса и охоты, «смеющуюся голосом речной воды» Псыхогуаше, Духа гор... и, конечно, Тха – адыгского Бога, пред которым равны «звериные, птичьи и человеческие племена», вращающиеся в общем великом крутовороте мироздания. Писатель помещает своих героев в несколько условный, идеализированный мир природы, в котором царит гармония. Покинув человеческое общество, Озермес и Чебахан становятся неотъемлемой частью этого мира. Даже неодушевленные предметы обретают душу. Так, обыкновенный пенёк от старого дерева, названный любовно Мухарбеком, воспринимается беглецами как родной человек, как мудрый старец. Дороги одиноким Озермесу и Чебахан верный пес Самыр, рожденный волчицей щенок Хабек и... пчелка по имени Жужжалка.

Самые поэтичные строки повести посвящены любви джегуако Озермеса и его жены красавицы Чебахан. Истории их любви посвящены самые поэтичные строки повести. После тяжких испытаний, выпавших на долю адыгских Адама и Евы, молодые люди оказываются вне реальности, живущей по законам уничтожения себе подобных. Однако

в этом условном «раю» спрятаться, уберечься от ужасов войны невозможно. Безумная Абадзеха с мертвым ребенком, бродящая по горному лесу, напоминает Озермесу и Чебахан о пережитом кошмаре. А спасенный ими абрек Меджид отвечает подлостью на их добро.

Особенно интересен образ Озермеса. По своей сути, мироощущению он близок к автору. Народный певец и поэт – джегуако. Это хранитель адатов, то есть законов, заветов, традиций предков. К тому же Озермес наделен способностью видеть то, что недоступно обыкновенному человеку, обладает даром общаться с божествами, проникать в самую суть явлений. Не зря Чебахан, остро переживая свою, как ей кажется, заурядность, говорит ему: «Ты видишь то, чего не вижу я. Ты можешь зимой посмотреть на засыпанную снегом ольху и увидеть на ней вместо снега цветы... Ты говоришь: посмотри на вершины, какие на них разноцветные снега, а я смотрю и вижу, что горы белые... Ты и прошлое вспоминаешь не так, как я. У тебя ушедшие оживают, разговаривают, смеются...» Именно Озермесу дано увидеть Мазитху верхом на огромном кабане с блестящей, как золото, щетиной, любоваться богиней деревьев Жычгуаше, расчесывающей волосы, или общаться с Духом гор. Что это, как не способность художника, наделенного творческим воображением, творить фантастический мир?

Озермес размышляет, стараясь постичь смысл бытия, его закономерности, разобраться в сущности явлений, задается вопросами философского характера: «Как понять происходящее в мире? Вот он перед ним, этот мир: небо, по которому сонно передвигаются облака, вдали неоглядная морская пустыня, водопад, поющий свою вечную песню, застывшие горы, леса, которые, как и люди, передают свою душу молодым деревьям, прорастающим из семени, и так продолжается от лета и до лета, от зимы до зимы. Жизнь беспредельна. Но в чем ее смысл, откуда она пришла и куда идет? Неужели она взялась из ничто и в ничто же уйдет? Если у нее нет ни начала, ни конца, значит, человек не может увидеть ни начала, ни конца жизни. Мысль человека имеет начало и конец, она рождается, разгорается подобно огню, а потом угасает как сгоревшая ветка. Мысль замкнута, она уходит за границу того, что чело-

ПУТЬ НА ОШХАМАХО

век видел и раньше и видит теперь, проникнуть же в то, что произойдет завтра, будущим летом или будущей зимой, или в те времена, когда будут жить правнуки правнуков Озермеса и Чебахан, мысли не дано».

Постоянный предмет его дум – судьба адыгов. Он вспоминает рассказы отца о каменных домах, в которых хоронили умерших великаны – «здесьние племена, прадеды наших прадедов», курганах – могилах предков, адыгских женщинах-воительницах, о том, что когда-то адыги поклонялись солнцу. Озермес поет песню о сильной и смелой Редеде – кабардинской женщине, победившей богатыря. Его мучает мысль об участии адыгского народа, обреченного на мытарства вдали от родины, о возможности его исчезновения: «Отец рассказывал, что в давние времена чужеземцам, отправляющимся на бурный Кавказ, советовали иметь две головы – одну на дорогу туда и вторую на дорогу обратно. Не в таком ли положении теперь и адыги, и окажутся ли у них две головы, чтобы, пройдя через мытарства на чужбине, когда-нибудь вернуться на осиротевшую родину? Голоса своих лугов, долин и рек не могут не позвать тех, кто сохранит в себе душу адыга. Однако не случится ли так, что к тому времени обезлюдевшими равнинами и горами завладеют русские пшии и орки, которые, как говорил Меджид, намереваются перепнуть сюда своих рабов-землепашцев? Останется ли тогда хотя бы одна не заселенная ими долина, и не получится ли так, что возвращаться ушедшим будет некуда?»

«Смыслом жизни Озермеса, главного героя второго романа, становится приближение к божеству, поиск какой-то окончательной истины, – пишет М. Синельников. – И какой-то ее проблеск в конце концов он уловил. Большого же не дано никому из смертных: «Почудился ли ему Дух гор или нет, из сказанного им следовало, что колесо времени, казалось бы, вечно замершее в недоступной для человека глубине мироздания, все-таки вращается и для Тха, и для Духа гор, и они, подобно людям, старятся, только спустя бесчисленное количество земных лет и зим. Пораженный неожиданно залетевшей ему в голову мыслью, Озермес остановился и прикрыл рукой лицо от злых ударов ветра. Если Тха все-таки старится, значит, он, как и любой человек,

смертен, и может прийти время, когда его не станет. Что же будет потом – народится новый могучий Тха или люди будут жить без него, каждый сам по себе». Вот, кажется, итог размышлений и самая сердцевина философского повествования».

В финале повести Озермес поднимается на величественную гору счастья Ошхамахо – Эльбрус, дабы встретиться на ее вершине с Тха и найти ответы на мучавшие его вопросы. В человеческой традиции покорение вершины означает преодоление, постижение. Если обратиться к психоаналитической символике, то гора – это архетип самости. Интересно сопоставить притчу Германа Гессе «Тяжкий путь» с повестью Михаила Лохвицкого. Совершив свой тяжкий путь к обретению самости – на вершину горы, Озермес испытывает потрясение: «Чувство невыносимого одиночества пронзило его, как стрела из самострела, а тишина окружающего показалась жутким безмолвием могилы... Даже если какая-нибудь звезда возопит неслыханным голосом, ее никто не услышит. Звезд в этом захватывающем дух просторе не счесть, но все они одиноки и не слышат друг друга. Человеку среди них не было места, и даже если кто-нибудь чудом ухитрился проникнуть в звездный мир, он кажется там чужим».

Герой «Тяжкого пути» переживает похожее состояние: «Особенно ужасны были одиночество и пустота этого места, безоглядная даль пустынных небесных просторов, от которой кружилась голова. Немыслимым блаженством казалось умереть: невыразимо мучительно было здесь оставаться. Должно что-то произойти, сейчас и немедленно, иначе мы и весь мир – все вокруг от страшной муки обратится в камень».

Встречи с Тха на вершине у Озермеса не произошло. Однако состоялась другая – с Духом гор, которая совершенно перевернула его сознание, разочаровала и в то же время помогла разобраться в самом себе, в природе явлений. Он понял, что «колесо времени, казалось бы, вечно замерзшее в недоступной для человека глубине, все-таки вращается и для Тха, и для Духа гор, и они, подобно людям, старятся, только бесчисленное количество земных лет и зим». Таким образом, старые идеалы обветшали, прежнее знание оказалось недостаточным для осознания

ПУТЬ НА ОШХАМАХО

новых трагических реалий. Однако импульс пришел к Озермесу через зов отца: «Встань, иди, иди к тем, кто ждет тебя, кому ты нужен!». То есть – к людям, к своему народу... Ведь уединенное существование Озермеса и Чебахана в горном лесу было жизнью без времени, без надежд, без будущего.

Повесть завершается возвращением героев вместе с новорожденными близнецами к людям. Прислушиваясь к голосам, доносившимся из аула, «Озермес подумал, что он и Чебахан идут теперь к тому общему со своим народом, затянутому туманом неизвестному будущему, которого не было у них с того дня, как они покинули погибший аул».

Поразительно, как кавказские романы Михаила Лохвицкого оказались созвучны нашему времени. Присущее писателю качество – предугадывать грядущее – помогло ему задолго до каких-то событий заострить внимание на этнических проблемах. На проблеме Дома в широком морально-нравственном, социально-философском, человеческом понимании этого слова. Многие сегодня обречены на скитальчество – в прямом и переносном смысле. И это – огромная трагедия. Для Михаила Лохвицкого обретение «самости» человеком – это в первую очередь обретение Дома, возвращение к истокам. Вернулись к своим корням и его любимые герои – Озермес и Чебахан. Этот же трудный путь проделал и Михаил Лохвицкий.

Перед каждым человеком возвышается его собственная вершина. Обойти ее невозможно. Либо ты упорно двигаешься вперед – вверх, либо так и остаешься у подножия горы, на обочине жизни. Третьего не дано. Михаил Лохвицкий являет собой замечательный пример человека чистого, яркого, жаждущего Добра. Он обрел в итоге самого себя, сумел взойти на вершину Ошхамахо.

Автор благодарит Ю. Лохвицкого, А. Лохвицкую, А. Джапаридзе, Г. Гегешидзе, С. Надирова за участие в создании этой книги.

Литература

1. Абэ Кобо. Избранное. – Москва: «Радуга», 1982.
2. Автобиография. Из архива М. Лохвицкого. Государственный музей грузинской литературы им. Г.Леонидзе.
3. Аджук-Гирей М. (М. Лохвицкий). Поиски богов. – Тбилиси: «Мерани», 1991.
4. Бойко М. Комментарии. – Из Собрания сочинений Л. Н. Толстого в 22 томах. Том 14 – Москва: «Художественная литература», 1983.
5. Борисова И. Небо над головой. – В первой книге «Прозы разных лет в двух книгах» М. Лохвицкого. – Тбилиси: «Мерани», 1984.
6. Буянов М. По следам Дюма. – В книге А. Дюма «Кавказ»: – Тбилиси, «Мерани», 1988.
7. Вайнштейн М. Громовый гул. – Нью-Йорк - Тель-Авив - Париж: «Время и мы», 1980.
8. Гамзатов Р. Стихотворения и поэмы в 5 томах. Том 3 – Москва: «Художественная литература». 1980.
9. Гессе Г. Паломничество в страну Востока. – Москва: «Эксмо-пресс», 1999.
10. Давыдов Ю. Кайсаров: драма совести. Послесловие к роману М. Лохвицкого «Громовый гул». – Тбилиси: «Мерани», 1977.
11. Дерюгина Л. Единицы и слиты. «Дружба народов». 1974, № 9.
12. Заверин М. Главный объект – современность. «Литературная Грузия». 1959, № 7.
13. Кекелидзе М. О чем шумит Кура. «Вечерний Тбилиси». 1962, 29 ноября.
14. Лазарев М. Да, азиаты мы. – В книге Н. Эйдельмана «Быть может, за хребтом Кавказа».
15. Лежава И. А для чего я родился? «Литературная Грузия». 1983, № 11.
16. Лермонтов М. Избранные произведения. – Самара: Самарский Дом печати, 1996.
17. Лохвицкий М. Ираклий. «Огонек». 1990, №32, август.
18. Лохвицкий М. Властелин словесных тайн. «Литературная Грузия». 1960, № 6.
19. Лохвицкий М. Проза разных лет в двух книгах. Книга I. – Тбилиси: «Мерани», 1984.
20. Лохвицкий М. Проза разных лет в двух книгах. Книга II. – Тбилиси: «Мерани», 1984.
21. Нинидзе М. Устремленные в будущее. «Молодежь Грузии». 1985, 6 июля.
22. Парутимов В. Романтик эпохи гладиаторов. «Вечерний Тбилиси», 29 февраля – 2 марта 2012 года.
23. Письма. Из архива М. Лохвицкого.
24. Приходько В. Возмужание. «Литературная Россия». 1964, 25 декабря.
25. Приходько В. Участие человеческое. «Литературное обозрение», 1973.
26. Самойлов Д. Тарусские страницы. – В книге «Круг чтения. Календарь 1991». – Москва: Издательство политической литературы, 1991.
27. Синельников М. Предисловие к роману М. Лохвицкого «Громовый гул». «Поиски богов». – Москва: «Исолог». 2013.
28. Смирнов С. Герои великой войны. – Москва: «Молодая гвардия», 1977.
29. Толстой Л. Анна Каренина. Собрание сочинений в 12 томах. Том 9. – Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1959.
30. «Физики шутят». Сборник переводов. – Москва: «Мир», 1966.
31. Филина М. Четкость нравственных ценностей. «Заря Востока». 1985, 5 января.
32. Хечингов Ю. Жизнь и смерть Ал. Грибоедова. – Москва: «Флинт», «Наука», 2003.
33. Шелля И. Я увидел высоты. «Русский клуб», 2012. №9.
34. Эйдельман Н. «Быть может, за хребтом Кавказа». – Москва: «Наука», 1990.

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	3
ОТ АВТОРА	4
КОРНИ	5
ДЕТСТВО И ОТРОЧЕСТВО.....	10
ВОЙНА.....	20
«НЕ ДАНО ПРИМЕЛЬКАТЬСЯ».....	29
ГЛОТОК РОДНИКОВОЙ ВОДЫ.....	42
«ВСЕ – ЛЮБИТЬ!»	45
КАЛУГА – ОБНИНСК.....	53
ВОЗВРАЩЕНИЕ	62
«ВСЕ-ТАКИ Я ОДОЛЕЛ ТЕБЯ, БЕЗУХИЙ!»	76
ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ «ЧИСТЫЕ СТЕКЛА».....	81
ПОИСКИ БОГОВ	93
ЛИТЕРАТУРА.....	101

რუსულ-ქართული კულტურული ურთიერთობები ქვეშარიტად ისტორიული მოვლენაა, რომელსაც ანალოგი არ აქვს.

რუსეთსა და საქართველოს ურთიერთობები სათავეს მეათე საუკუნეში იღებს – უძველეს ქრონიკებში ნახსენებია საქართველო და თბილისი. 1491 წელს დამყარდა დიპლომატიური ურთიერთობები. პეტრე პირველის დროს მდინარე პრესნიაზე საფუძველი ჩაეყარა ქართულ დასახლებას (თავდაპირველად – „გრუზინი“, ახლა – ბოლშაია გრუზინსკაია). XVIII საუკუნის ბოლოდან, გეორგიევსკის ტრაქტატის დადების შემდეგ, 1783 წელს ორ ქვეყანას შორის განსაკუთრებით მჭიდრო და ინტენსიური ურთიერთობები დამყარდა.

საქართველო პასუხობდა მფარველობას დახმარებითა და მხარდაჭერით – მათ შორის კულტურულით და სულიერით. ბევრმა რუსეთში დევნილმა დიდმა რუსმა საქართველოში თავშესაფარი მიიღო. ისინი აქ ყოველთვის პროლობდნენ თავისუფლებას, სამსახურს და თავყვანისცემას.

სერია „რუსები საქართველოში“ – რუსული ხელოვნების, რელიგიის, მეცნიერების, ლიტერატურის, სპორტის მოღვაწეების საქართველოში ყოფნის მდიდარი ისტორიის სისტემატური გაშუქების პირველი მცდელობაა, იმ გამოჩენილი ადამიანების, რომლებიც იმსახურებენ მაღლიერ ხსოვნას შთამომავლობისაგან.

პროექტის მიზანია ხელი შეუწყოს რუსეთის კულტურული მემკვიდრეობის პოპულარიზაციას, ააღორძინოს ინტერესი რუსეთის მიმართ საქართველოში და პირიქით, საზოგადოებრივი და კულტურული დიალოგის გაღრმავებას ორი მართლმადიდებელი მეზობელ ერს შორის.

Russian-Georgian cultural relations are truly a historical phenomenon that has no analogues.

Russia and Georgia are bound by eleven centuries of mutual intercourse. Starting of those relations dates back to the X century – Georgia and Tbilisi are mentioned in the ancient chronicles. In 1491 diplomatic relations were established. During Peter the Great's reign on the banks of the river Presnia was built Georgian settlement (colloquially – "Georgians", now – Bolshaya Gruzinskaya (Great Georgian). And at the end of the XVIII century, after signing of Georgievski Treaty in 1783, the relationship between two countries became particularly close and intense.

Georgia answered with help and support on this patronage. Many great Russians found shelter here – disgraced and persecuted in Russia, in Georgia they always found freedom, work and reverence.

A series "Russians in Georgia" is the first attempt of systematic coverage of the rich history of staying in Georgia outstanding Russian artists, religious leaders, scientists, writers, sportsman worthy grateful memory of descendants.

The project aims promoting the Russian cultural heritage, the revival of interest to Russia in Georgia and to Georgia in Russia, intensifying social dialogue and cultural exchange of the two Orthodox neighbor nations.

Издатель –
Международный культурно-просветительский Союз
«**Русский клуб**»

Руководитель проекта –
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ
заслуженный деятель искусств РФ,
заслуженный артист РФ

ИННА БЕЗИРГАНОВА

ПУТЬ НА ОШХАМАХО

МИХАИЛ ЛОХВИЦКИЙ

Редактор
НИНА ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
Дизайн, компьютерное обеспечение
ДАВИД ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Над книгой работали
ЕЛЕНА ГАЛАШЕВСКАЯ
АЛЕНА ДЕНЯГА

Использованы материалы из архива М. Лохвицкого Государственного музея
грузинской литературы им. Г. Леонидзе и личного архива родных писателя